

A woman's face is the central focus, looking directly at the viewer with a serious expression. She has dark hair and is wearing a small stud earring. The background is a complex, abstract composition of swirling colors—red, orange, yellow, blue, and purple—with numerous small, bright white stars and sparkles scattered throughout. A large, white, stylized lightning bolt graphic originates from the top left and points towards the center, passing behind the woman's head.

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

НИЧЕГО
НЕ ВОЗЬМУ
С СОБОЙ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Алла Полянская

Ничего не возьму с собой

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская А.

Ничего не возьму с собой / А. Полянская — «Эксмо»,
2018 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-097694-2

Бизнесмен Никита Радецкий безумно любил свою жену, красавицу и умницу. Казалось, Габриэлла тоже души не чает в супруге. Два года Никита был абсолютно счастлив, а потом его мир в одночасье рухнул. Габриэлла обвинила мужа в постоянных издевательствах и лишила всего: квартиры в центре столицы, престижной работы, друзей и положения в обществе. Никита никак не мог понять, за что ему так изощренно мстит любимая женщина. И даже когда он уехал в другой город, ничего не изменилось. В Интернете было создано сообщество против домашнего насилия, и Никита стал объектом настоящей травли. А потом погиб сотрудник магазина, куда Радецкий устроился на работу, и дело приняло совсем серьезный оборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097694-2

© Полянская А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	28
5	35
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алла Полянская

Ничего не возьму с собой

Серия «Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы»

Copyright © PR-Prime Company, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Я не встречал в природе жалости к себе.
Любая птица, коли с ветки упадет,
закоченев от стужи,
не испытает жалости к себе!*

Д. Г. Лоуренс

1

– Левее, что ты возишься!

Очень сложно между полками с инструментами, мотками кабеля и прочими вещами поместить труп, да еще таким образом, чтобы всякий, кто поднимет голову, сразу его увидел.

– Еще левее. Ага, вот так. Теперь закрепи за верхнюю балку крюком.

Никита смотрит, как тощий парнишка, хватаясь буквально за воздух, тянется крюком к балке. Труп качнулся, и парнишка тоже качнулся, и Никите кажется, что они сейчас рухнут вниз, и трупу-то ничего, а парнишка, пожалуй, что и костей не соберет – пол каменный.

– Я все-таки думаю, это весьма неоднозначная затея.

Никита не любит резко говорить «нет». Поначалу затея с трупом казалась не такой уж и плохой, но, глядя на то, как креативная идея воплощается в жизнь, Никита начал сомневаться.

– Никита Григорьевич, ну что вы! – Анна, старший менеджер, смотрит на манипуляции с трупом горящими глазами. – Реклама пошла, будет много людей!

– Ну да.

Никита наблюдает, как парнишка спускается вниз, а труп плавно покачивается на балке. В глаза бросаются нехоженые подошвы ботинок трупа. Эти подошвы отчего-то зацепили его – новые рабочие ботинки, которых не может быть у настоящего трупа, пришедшего к месту, так сказать, упокоения «на своих двоих».

Никита покачал головой и отправился к себе.

Конечно, нужно привлекать покупателей. Но нужно ли привлекать их таким экстравагантным способом? Тут Никита сомневался. У старшего менеджера Анны Лепехиной регулярно возникали креативные идеи. Иногда даже слишком креативные.

– Никита Григорьевич, можно к вам?

Старший кладовщик Игорь Недзвецкий. Никита поморщился: парень ему не слишком нравился. Без видимых причин, но уж слишком молчаливым и нелюдимым был Игорь. Хотя кладовщик старательный и склад содержит в образцовом порядке. Поэтому Никита свою антипатию старался прятать. Да и сам себе удивлялся – в целом он к человечеству относился очень позитивно, и такая иррациональная антипатия к кому-то была для него нехарактерна.

– Да, Игорь, входи.

Кабинет, хотя на самом деле это был просто закуток три на три метра, отделенный от торгового зала тонкими стенами из гипсокартона, Никита получил от своего предшественника уже в готовом виде: со всеми канцелярскими принадлежностями, удобным креслом, сомнительной абстрактной картиной и аквариумом. В аквариуме лениво плавали девять крупных телескопов – они казались Никите какой-то инопланетной формой жизни, но иногда было интересно наблюдать за ними, а когда они собирали корм из кормушки, то чавкали, как поросята. Из Никитиных личных вещей в кабинете были только книги, стоящие на полке над аквариумом.

– Садись.

Никита старается даже не смотреть на кладовщика, до того тот ему неприятен. Очень смуглый, темноглазый, с густыми иссиня-черными кудрявыми волосами и нечистой кожей – все лицо в рытвинах от юношеских прыщей. Про таких говорят: «На нем черти горох молотили». Чувствуется, на лице Игоря черти нарезвились всласть, обеспечив горохом весь ад на годы вперед. И движения рук какие-то суетливые, хотя парень вполне обстоятельный. Но вот просто не хочется на него смотреть, и все тут.

– Да я ненадолго, – кладовщик замылся. – Тут такое дело...

Никита всегда терпеть не мог таких невнятных вступлений, поскольку за ними обычно скрывалось какое-то невероятное дерьмо.

– Не тяни.

– Да я это... – Игорь вздохнул. – Пропали два набора инструментов. Немецких, хороших. Там, где дрель, перфоратор, сверла, ключи, отвертки, накидные головки... В общем, вчера я не обратил внимания – позавчера они точно еще были, я сам пересчитывал. Некоторые позиции я регулярно свожу раз в неделю, чтобы понимать движения по складу. И позавчера их точно было одиннадцать, а сегодня уже девять.

– Может, продали?

– Нет, я проверял, – Игорь снова вздохнул. – Это не мелочовка, Никита Григорьевич. Это серьезное дело: наборы дорогие, и мне за них из своей зарплаты платить не хочется. Хотя я-то не виноват. Это, если что, охранники прощелкали. Вот они...

– Я понял. – Никита чувствует, что начинает раздражаться. – Разберемся. Что-нибудь еще?

– Нет, – Игорь замялся. – Только теперь я переучет на складе хочу сделать. Нашел кое-где нестыковки. Возможно, просто ошибки в документах, а все ж...

– Хорошо, делай. Когда собираешься начать?

– А вот сегодня и начну! – Кладовщик запустил пальцы в шевелюру. – Поставки сегодня планируются не слишком большие, а завтра-послезавтра и вовсе не будет – выходные же. Ящики с гвоздями постоят и на рампях, ничего с ними не случится. А я тем временем на складе у себя в кабинете сяду, пару кладовщиц возьму в помощь и полностью сведу все накладные. Пойму наконец, что и как.

Никита кивает – идея кладовщика ему нравится, он и сам сделал бы так же.

– Все, я тебя услышал. Делай.

Никите хочется остаться одному и подумать. На складе все время что-то происходит: что-то ломается, что-то пропадает, то на кладовщицу упадет огромный моток веревки, а то сорвутся с креплений и раскатятся по всему залу черенки от лопат. Кажется, какой-то злой вредоносный полтергейст поселился в магазине. А теперь еще кражи начались.

В любом случае нужно посоветоваться с начальником охраны, решает Никита и набирает номер внутреннего телефона:

– Алексей Дмитриевич, зайдите ко мне.

Большой супермаркет – это настоящий город: со своими улицами, которые даже имеют названия, с перекрестками, площадями и закоулками и со своим собственным укладом. Населен этот город множеством самых разных людей. Именно что населен, потому как магазин открыт с девяти утра и до десяти вечера, без оглядки на закон о восьмичасовом рабочем дне. В бизнесе важнее удовлетворить нужды всех клиентов, а не законы соблюдать. Конечно, персонал работает с графиком «неделя через неделю», но Никита, как директор, обязан быть в магазине каждый день.

Впрочем, ходить ему больше и некуда.

– Добрый день, Никита Григорьевич.

Начальник охраны Важинский совершенно очевидно немного презирает нового директора. Никита подобные вещи всегда чувствует и Важинского сторонится, насколько это возможно в его положении. Но вечно сторониться невозможно, а уж тем более в такой ситуации.

– У нас снова кража на складе. – Никита нервно стучит пальцами по столу. – Игорь сегодня начинает внеплановый переучет. Алексей Дмитриевич, я вас прошу выделить ему в помощь нескольких охранников. Я убежден, что это кто-то из наших сотрудников резвится прямо у нас перед носом, а такое положение вещей плохо сказывается и на бизнесе, и на микроклимате в коллективе, так что мне эти регулярные пропажи сильно не нравятся.

– Да кому же такое понравится, – хмыкает начальник охраны.

Никита поднимает глаза на Важинского. Молодой, очень плечистый мужик, с внимательными светло-зелеными глазами, мощной нижней челюстью и прямым носом, всегда гладко

выбрит, темные волосы коротко подстрижены. В другое время и в другом месте они, возможно, стали бы если не друзьями, то уж точно приятелями. Но не здесь и не сейчас.

– А потому, пока Игорь делает переучет, нужно обеспечить ему безопасность.

– Понимаю, – кивает Важинский. – Думаю, тут вы абсолютно правы – берет кто-то свой. Но как он пронесит украденное через охрану? Я просмотрел все записи с камер слежения и ничего подозрительного не заметил.

– Принесите записи мне, я сам пересмотрю. Может, свежим взглядом увижу какую-то мелочь, которую вы пропустили, – говорит Никита, а сам с тоской думает о том, что вечером придется ехать домой.

– Может сработать, – соглашается Важинский. – Вот только вся эта вакханалия с трупами и прочим весельем... не способствует безопасности.

– Так надо усилить бдительность! – Никита снова начинает раздражаться. – Никто не говорил, что будет легко. Самое главное – больше такого ни у кого нет! Акция уже разрекламирована, и на попятную идти поздно.

Действительно, *такого* нет ни в одном магазине. Кто бы еще додумался оформить торговый зал магазина инструментов в стиле «техасская резня бензопилой»? Манекены, изображающие висельников: милости просим в секцию тросов, веревок и крепежей. Бедолаги с отрубленными конечностями: пожалуйста, секция пил – тут тебе и бензопилы разные, и «болгарки», и циркулярные пилы. Выглядят искусственные конечности очень натурально. Опять же – хорошее напоминание о технике безопасности.

– Так-то оно так... Ладно, я прямо сейчас двоих направлю к Игорю. Пусть присматривают, да и подсобят, если что. На складе-то девчонки в основном, мужские руки не лишние будут.

Важинский уходит, а Никита выглядывает в зал. До открытия магазина остается меньше часа, сотрудники спешно приводят торговые помещения в состояние идеальной готовности под руководством вездесущей Лепехиной. Ее восторженный нетерпеливый голос слышен, кажется, одновременно во всех уголках магазина. После открытия времени на устранение недоработок уже не будет, только успевай поворачиваться.

Никита спускается вниз и идет вдоль стеллажей. Супермаркет занимает очень большую площадь: перед центральным входом стоянка для покупателей на две тысячи автомобилей; такая же с обратной стороны – подъездные пути для поставщиков: огромные рампы, на которые сгружается и принимается товар, стоянка для электрокаров, небольшой кран, помогающий в разгрузке громоздких и тяжелых предметов; плюс торговые залы и складские помещения. Несколько десятков тысяч квадратных метров. Хозяйство, в котором Никита уже разобрался. Не без сложностей, но все же дело знакомое.

– Никита Григорьевич, мы уже закончили.

Лепехина подскакивает к нему с ворохом мохнатых пауков, угрожающе шевелящих резиновыми лапками. Ее карие глаза весело и задорно блестят, ей вся эта суeta заметно нравится. Никита думает о том, что человек губит свой основной талант, зря занимаясь работой, которая не доставляет радости. В старшем менеджере умирает талантливый декоратор и организатор праздников. Потому вся эта праздничная вакханалия так и радует девушку.

– К Хеллоуину у нас вообще очень неоднозначное отношение... – задумчиво говорит Никита, понимая, что сам он альтернативной идеи так и не предложил. – Кто знает, как будет...

– Да ладно, Никита Григорьевич, это же весело! – Лепехина протягивает ему мохнатого паука. – Будут конкурсы, а это призы для детишек такие.

Для детишек – это значит для малышей, которых родители оставляют в игровой комнате, пока сами бродят по улицам строительного города. Игровая оформлена в ярких чистых тонах. Маленькие столики из разноцветного пластика, мячики, пирамидки, разноцветные мелки и пластилин, и прочие штуки, которыми можно развлечь маленьких гостей.

Мысль о том, что жутковатые пауки станут призами для детей, кажется Никите не слишком удачной.

– Дети их испугаются, – сомневается он.

– Нет, что вы! – Лепехина смеется. – Дети будут от них в полном восторге. Вы сами посмотрите, какие они милые! – и протягивает ему очередного паука.

Никита никогда не страдал арахнофобией, но от вида шевелящихся лапок ему становится не по себе.

– Обязательно возьмите одного!

Лепехина настойчиво сует паука Никите, который только усилием воли не отдергивает руку. Но паук неожиданно оказывается очень приятным на ощупь. Пушистое тельце сделано из нежного черного меха. Напоминает шапку-ушанку из его детства, думает Никита. К черному тельцу прилагается улыбающаяся мордаха. И шевелящиеся конечности паука уже не кажутся такими страшными. Игрушка, приятная на ощупь и забавная. Лепехина права: детям она вряд ли покажется страшной.

– Вы правы, Аня. Затея хорошая, и пауки симпатичные. Пожалуй, возьму этого для мамы.

– А я вам говорила! – смеется Лепехина и бежит дальше по своим праздничным делам.

Никита идет к кассам и некоторое время внимательно наблюдает за кассирами, готовящимися принимать покупателей.

Затем возвращается в торговый зал, к бесконечным рядам стеллажей, заполненных всем, что только может понадобиться в хозяйстве: от самых мелких гаек и гвоздиков до огромных панелей, из которых можно соорудить садовый домик.

В одном из проходов на возвышении стоит генератор. Из-под помоста торчат чьи-то ноги. Ненастоящие, но очень натурально сведенные предсмертной судорогой. Верхняя часть манекена, лицо которого не менее натурально искажено страданием, обнаруживается с другой стороны. Смысл инсталляции очевиден: человек полез под генератор и был раздавлен сорвавшейся с креплений машиной.

На стеллажах вокруг «арт-объекта» богатейший ассортимент креплений. От самых маленьких до серьезных промышленных деталей, способных выдержать не только вес пресловутого генератора, но и гораздо больший. Опять же посыл совершенно ясен: покупайте крепления в нашем магазине, и вас минует участь раздавленного бедолаги.

«Молодчина Анна! – Никита вертит в руках пушистого паука. – Это же надо такое придумать!»

Никита с уважением относится к людям креативным и увлеченным своим делом. Даже если их идеи такого свойства, как у Лепехиной.

Пирамиды из ухмыляющихся тычков и пластиковых черепов, разного размера пауки, свисающие на нитях с полок и стеллажей, ведьма на метле, кружащая под потолком в секции светильников. Плюс персонал, одетый в оранжевые футболки с черными летучими мышами на груди.

Никита наблюдает, как первые потоки покупателей вливаются в зал. Люди с интересом рассматривают оформление зала и коридоров между стеллажами. Смеются, живо обсуждают и фотографируют декор.

Конечно, многие из них пришли сюда просто привлеченные рекламой. Но и для таких зевак есть целый отдел с разной мелочовкой: шкатулками, статуэтками, ароматическими свечами, оригинальными кухонными штучками и прочей милой ерундой, которая вовсе не является необходимой, но которую так приятно принести домой, чтобы украсить свою жизнь.

Убедившись, что отлаженный механизм работает как надо, Никита вздыхает и возвращается в кабинет, где его ждут документы, переданные на подпись бухгалтером и юристом. А еще нужно перепроверить заказы поставщикам, и обратить внимание на складской учет, и...

Да много чего он должен успеть сделать, держа при этом в голове ревизию на складе. И стоило бы разобраться в причинах иррациональной антипатии к Игорю Недзвецкому. Вроде вполне компетентный сотрудник, радеющий за вверенный ему склад, и человек он тихий, вполне безобидный, а вот поди ж ты.

Никита проверяет почту – никаких личных писем, и скайп молчит. Иногда Никите кажется, будто он вышел в открытый космос, оторвался от корабля и летит в неведомую пустоту, ощущая при этом абсолютное одиночество.

Еще полгода назад у него было все: семья, друзья, любимая работа и квартира, куда он после работы с удовольствием возвращался и где ждала его Черри – Вишенка, красивая веселая жена с удивительным именем Габриэлла, которая почти два года делала его самым счастливым человеком на свете.

Никита познакомился с ней в компании общих друзей. И потом даже не мог вспомнить, кто привел эту девушку, потому что с того самого момента, как он ее увидел, все остальное потеряло значение. Он сходил с ума от одного взгляда на ее ладную фигурку, от ее длинных ног и хрупких плечиков, а от запаха ее смугловатой кожи у него кружилась голова. Глаза Вишенки смотрели доверчиво и ясно, и хотелось защитить ее от всего мира.

Но защищать Вишенку не требовалось: ее сразу полюбили все, ее нельзя было не любить.

Они очень скоро начали жить вместе, но Никите этого было мало – он хотел, чтобы Вишенка принадлежала только ему одному. Она не рассказывала о себе, и он не спрашивал, уважая ее личное пространство. И даже на их скромной свадьбе не было родственников со стороны невесты. А на осторожные вопросы Никитиной мамы Вишенка ответила уклончиво: нет, мол, близких, бывает и так. И Никите это не показалось странным ни тогда, ни после.

Вишенка оказалась примерной женой. Она не жаждала карьеры, целиком посвятив себя обустройству их совместного быта. Большая пятикомнатная квартира в центре столицы принадлежала когда-то отцу Никиты, генералу армии. Но отец умер за полтора года до знакомства Никиты с Вишенкой, а после их свадьбы мама решила переехать в Александровск, поближе к своей маме, Никитиной бабушке.

Никита понимал, что мать просто не может жить в этой квартире, где больше не звучит голос отца, не может видеть его кабинет, спать на их общей кровати. Вот не может, и все! И видеть, как Никита и Вишенка со всем пылом безрассудной юности переделывают квартиру, разрушая то, что создавала она, было выше ее сил. Но мать Никиты была мудрой женщиной и не хотела мешать молодым в их стремлении обустроиться по-своему.

И она уехала. А Никита позволил ей уехать – бабушка действительно нуждалась в помощи. Но когда через полгода бабушка умерла, мать не вернулась. Осталась в Александровске, устроилась на работу в городскую библиотеку, хотя нужды в этом не было – Никита посылал ей деньги, но она хотела работать, лишь бы не быть одной.

А он жил в столице. Интересной насыщенной жизнью. У него была работа в крупной компании, где совещания происходили по скайпу – с Нью-Йорком, Токио, Парижем. А дома его ждала Вишенка, которая руководила грандиозным ремонтом, с упоением выбирая обои, кафель, паркет, создавая их собственный уют.

Они отделились от прежней компании, обзавелись своими, им одним понятными шутками и фразочками «для двоих», имеющими особый тайный смысл. Никита начал всерьез думать о том, что пора бы завести ребенка.

Спустя полтора года совместной жизни у него все так же кружилась голова от одного запаха красноватых кудрявых волос Вишенки. Правда, из-за ремонта Вишенка частенько ходила с синяками: она то и дело на что-то натыкалась, неловко падала, а однажды поскользнулась в ванной и ударилась о дверной косяк так сильно, что неделю не могла выйти из дома. Никита тогда не на шутку встревожился и хотел отвезти жену к врачу, но она, смеясь и мор-

щась от боли, говорила: стыдно беспокоить занятых людей из-за какого-то синяка, полученного исключительно в результате собственной неуклюжести.

Сейчас Никита и сам не понимал, почему он не замечал очевидного. Как могла его Вишенка, умевшая танцевать словно фея – почти не касаясь земли, быть такой неуклюжей?

А потом – полгода назад, она вдруг собрала вещи и уехала, ничего не объяснив. Оставила только записку, сухо сообщавшую: «Я ушла, не ищи меня».

Никита помнил, как стоял тогда в квартире, ставшей внезапно пустой, и тупо смотрел на эту записку, не в силах понять, как такое могло случиться. Ведь еще утром Вишенка проводила его на работу, старательно заполнив несколько контейнеров салатами, голубцами и своим фирменным сахарным печеньем. А в перерыве между совещаниями он звонил домой, и она попросила его заехать в магазин и купить грибов для супа. И вот он, с пакетом этих дурацких грибов, и эта записка. И больше ничего. Пустота.

Но как же было не искать? Не могла она вот так вдруг взять и уйти. Должно быть, случилось нечто скверное.

Сначала он звонил – бесконечно раз за разом набирая номер. Безрезультатно. Потом бросился искать Черри по друзьям. Но все пожимали плечами, никто ничего не знал. Хотя, как потом оказалось, знали все.

А потом к нему на работу явился самодовольный адвокат и начал вещать о разводе как о факте уже свершившемся. Никита долго не мог понять, о чем толкует этот хлыщ. Какой развод? Почему? Какое домашнее насилие, какие побои и сцены ревности?

Оказывается, он избивал Вишенку и запирали ее, и она сбежала, опасаясь за свою жизнь.

Никита не понимал, как такое может быть. Но все ее друзья в один голос твердили, что его жена постоянно пребывала в угнетенном состоянии, опасалась за свою жизнь. Подруги Габриэллы показали, что та редко и очень ненадолго выходила из дома, буквально тайком. А еще часто плакала и жаловалась на мужа-тирана и постоянно ходила в синяках от побоев.

При этом слова Никиты никем не принимались в расчет. Оказалось, Вишенка вела видеодневник, где фиксировала все «побои».

Мать советовала ему нанять адвоката. Но Никита и тогда еще не понимал, не осознавал размеров свалившейся на него беды. Он словно со стороны смотрел на ситуацию, смотрел глазами человека, проспавшего несколько лет и внезапно проснувшегося в чужом месте среди незнакомых людей.

У него была престижная работа ведущего менеджера в фирме с иностранным инвестированием, но больших денег не было. Отправив матери необходимую сумму и оставив себе деньги, необходимые для обслуживания машины и на бензин, он все отдавал Вишенке. Он даже обед всегда брал из дома – Вишенка хорошо готовила, и ему нравилось среди дня открыть судочки и вдохнуть запах ее стряпни, своего домашнего уюта и невероятного счастья.

А потом вдруг оказалось, что денег у него нет совсем. И с работы его уволили. За неделю до развода его вызвал генеральный директор, белобрысый Курт, и сообщил, что ему лучше уволиться самому, прежде чем компания уволит его за неподобающее поведение – слухи о том, как он избивал жену, которая сбежала от него едва живая от пережитого ужаса, дошли и до руководства.

И снова никаких оправданий никто не захотел слушать.

Дальше неприятности посыпались одна за другой. Устроиться в другую аналогичную компанию он не мог: в его сфере все уже знали, что он домашний насильник и жестокий тиран. Затем некая девица позвонила его матери на работу и рассказала эту историю директору библиотеки. Коллеги матери ее во всем и обвинили – мол, воспитала негодяя. Мать увезли в больницу с сердечным приступом. Дело было совсем плохо.

Никита бросил свою опустевшую квартиру в столице и спешно выехал в Александровск. В тот же день к нему снова заявился адвокат – нашел его и в Александровске. Прошелся

по квартире, презрительно хмыкнул, глядя на старенькую бабушкину мебель. И предложил Никите дать Вишенке развод и оставить ей все имущество, тогда травля прекратится. А иначе впереди еще и уголовное дело, если жена обратится в полицию с заявлением. А она обратится.

И Никита сдался.

Он сам себя презирал за малодушие, но ему вдруг стало все равно. И квартиры не жаль, и неважно, кто и что будет о нем думать, судачить, сплетничать. Все это отступило на какой-то даже не второй, а сто двадцатый план, когда он сидел в опустевшей маминной квартире, а мама была в больнице из-за него, болвана. Никита четко осознавал: если бы не его тупая уверенность, что правда всегда торжествует, мама была бы в порядке. А сейчас кто знает, что с ней будет, потому что денег на хорошее лечение не было.

Если бы он скорее сообразил, что происходит! Не метался по городу, пытаясь во что бы то ни стало найти Черри, а сел и здраво оценил ситуацию. Не задавался бесполезными вопросами: что она творит с ним, с ними, почему, за что и прочее, а вовремя обратился к адвокату.

Он за почти два года своего абсолютного счастья забыл, что бывают вещи, которые никак не совместимы ни с моралью, ни с совестью, ни с любовью. Вообще ни с чем человеческим. Просто подлость и жадность. И люди частенько руководствуются в своих действиях только подлостью и жадностью.

Но это же другие, считал он. А тут Вишенка, его Вишенка, сказочная принцесса. Габриэлла, его Черри, примерная жена, красавица и отличная хозяйка с большими грустными глазами олененка Бэмби, только что потерявшего маму. Его хрупкая фея с хрустальным смехом и тонким личиком в шапке кудрявых волос цвета красного дерева. Она не могла так с ним поступить, ее кто-то запутал, заставил...

Но в глубине души он уже знал правду.

2

Виктор терпеть не мог, когда к ним приезжала двоюродная племянница жены. Откровенно говоря, он и сестрицу Раисы не жаловал. Его раздражала эта избалованная капризная бабенка, когда-то выскочившая замуж за богатого мужика. Дочка Арина выросла под стать родителям – донельзя избалованная, наглая, уверенная, будто Земля вращается вокруг нее и ее желания имеют силу закона.

По счастью, родня редко навещала их. Обычно эти визиты были вызваны какой-то их собственной надобностью или их же претензиями к родственникам. То попросят приютить на недельку попугая и двух котов, пока благородное семейство отдыхает «на островах», а то предложат выкупить единственную фамильную реликвию – прабабушкино кольцо, бережно сохраненное во всех революциях и войнах. Просто так, не как ценное вложение, а как память. Это кольцо надевали на венчание Раисина мать, бабка и прабабка. И сама Раиса выходила в нем замуж за Виктора.

Драгоценные камни притягательно мерцали на ее молочно-белой коже, и у Виктора всю свадьбу билась только одна мысль: поскорее остаться с Раисой наедине, и чтобы на ней больше ничего не было, только это кольцо. У него и до сих пор, при одном взгляде на жену, возникали *такие* желания. А ведь они почти двадцать лет женаты!

В общем, никакой радости визиты конкретно этих родственников никому не доставляли. И когда Арина заявила к ним вновь, Виктор решил, что ни за что не позволит задурить Раисе голову. Как в прошлый раз, с котами.

Они тогда дней десять всей семьей пытались не допустить смертоубийства здорового шумного попугая двумя не менее крупными котами. А попугай в минуты душевной смуты поливал своих потенциальных убийц отборными ругательствами. Иногда это случалось ночью. Один раз, когда к сыновьям-школьникам пришли в гости приятели. В итоге Виктор поймал себя на том, что очень хочет отворить клетку, и пусть проклятые коты делают свое черное дело, и черт с ним, с этим гадским попугаем.

С тех пор отказывать родственникам в их просьбах или претензиях стало для него своеобразным спортом.

– Представляете, он просто переехал в ваш город! И до сих пор живет отлично, – Арина возмущенно фыркнула. – После всего этого, после таких изощренных издевательств. Живет припеваючи, ходит на работу. Снова нашел тепленькое местечко – директор магазина, не кто попало! Живет в квартире своей мамы...

– А ты бы хотела его на урановые рудники отправить?

Попивая пиво, Виктор вполуха слушал излияния Арины. Послушать ее, так в городе поселился настоящий маньяк с бензопилой. Патологический садист и хитрый социопат в одном флаконе. И теперь истребление местных девственниц – лишь вопрос времени.

– Прежде чем смеяться, дядя Витя, вот, посмотрите сами! Во что он с ней делал!

Арина сунула ему под нос свой телефон, и Виктор полистал фотографии. Особо не впечатляло. На фотографиях была запечатлена мелкая, худосочная и практически лишенная сисек девка. К тому же с волосами какого-то странного, красно-коричневого цвета. Горестный взгляд широко распахнутых незащитных глаз показался Виктору плохой актерской игрой. Ну да. Разнообразные синяки и ссадины. Но мало ли при каких обстоятельствах деваха их заполучила?

– Видите?! – продолжала гневаться Арина.

– И что? – Виктор отхлебнул пива и хитро прищурился. – Я тебе могу такие фотки показать. Охренеешь! Расчлененка, повешенные, жертвы катастроф. Хочешь?

– Витя! – Раиса укоризненно посмотрела на мужа.

Взять в семейном конфликте сторону мужа на все сто процентов она не могла, хотя о его антипатии к своим родственникам отлично знала и за то его не винила. Сестру, равно как и тетку, она и сама недолюбливала с детства. Да и племянница Раисе была не слишком симпатична, и неудивительно – у сестры с мужем только такая дочь и могла получиться. Как говорится, кокос упал совсем рядом с пальмой. Но свою неприязнь она предпочитала скрывать. Родственников не выбирают, а начинать войну первой ей не хотелось.

– Ну, а что? – Виктор уже откровенно потешается. – Смотри: поверхностные кровоподтеки разной степени свежести. Никакой опасности для здоровья не несут, но выглядят красочно. И дамочка запросто могла сама себе такие обеспечить. Например, от случайного или намеренного удара о твердые предметы.

– Столько раз подряд?!

– Рая, не будь наивной, – вздохнул Виктор. – Ведь зачем-то она это снимала изо дня в день. Снимать-то снимала, но за помощью не обращалась.

– Она боялась! – Арина всплеснула руками. – Муж ее запугал. Она из дома только тайком и выбиралась.

– Глупости! – поморщился Виктор. – Как он мог ее запирасть, если – по твоим же словам – с утра до вечера находился на работе, да еще и часто ездил в командировки? Она оставалась дома одна. Заметь, не связанная, не к батарее наручниками прикованная и не в лесной сторожке в ста километрах от человеческого жилья. А в квартире в хорошем доме в центре столицы. И никто не помог бедняжке? Да и на бедняжку она как-то не тянет. Вот у тебя другие ее фотографии: дамочка в шубе, с бокалом шампанского, счастливая и беззаботная, в клубе с подружками. Заметь, это фотографии на ее странице в социальных сетях. В открытом доступе. Или ей удалось сбежать, но побежала она не куда-нибудь, а в ночной клуб? Предварительно нарядившись и накрасившись? Если парень таков, как ты описываешь, он должен был мониторить ее страницы – это типичное поведение домашнего насильника, контроль над жертвой ему необходим.

– И что все это значит? – заинтересованно спросила Раиса.

– Это значит, что никуда она не собиралась бежать. Она сначала создала определенное общественное мнение, о котором муж, скорее всего, и не подозревал, а потом использовала ситуацию в своих интересах. Теперь у бывшего мужа репутация почти маньяка, а у дамочки пятикомнатная квартира в самом центре столицы. В элитном доме, построенном в пятидесятых для партийного и армейского руководства. Плюс машина неплохая.

– Ты думаешь, бедная девочка... – поверить сразу в такое коварство Раиса не могла.

– Все это подстроила? – Виктор хмыкнул. – Рая! Когда на кону такой куш – запросто могла! Сработала четко, свою роль отыграла как по нотам. Наверняка она постаралась после свадьбы избавиться от *его* друзей. Мол, дорогой, нам ведь никто не нужен! Появились новые – почти случайные знакомые, которые его толком и не знали. Потом она долго и упорно выставляла его злодеем в глазах этих знакомых. А через два года все уже просто: ее считают беззащитной трепетной ланью, его жестоким негодяем. Потом дружная травля, и все во имя справедливого возмездия, никак иначе. Супругу, которого эти знакомые если и видели, то пару раз, никто не верит. Потом предложение, от которого он не смог отказаться, лишь бы сохранить хоть что-то от самого себя. Думаю, к тому моменту он был на все готов, только чтобы от него отстали.

– Они были почти два года женаты! – воскликнула жена.

– И что? С таким крупным кушем афера себя оправдала. Я уверен, мадам тут же продала хоромы за баснословную сумму и теперь живет припеваючи. Хотя вряд ли она сама до этого додумалась.

– Она не могла там оставаться, это же понятно! – Арина обиженно поджала губы. – И кто бы мог остаться в доме, где его несколько лет держали взаперти, изощренно издевались и избивали?

– Мое мнение таково: твоя подруга – мошенница, квартирная и брачная аферистка! – твердо сказал Виктор. – А вы – все, кто травил бедолагу-мужа, – просто стадо дебилов. И если ты решила, что я стану преследовать этого мужика, то ты сдурела, детка.

– Я не говорю преследовать, но навести справки... – промямлила племянница.

– На предмет чего? – Виктор даже не пытался скрыть раздражение. – Человек, насколько я могу судить, недавно потерял все: семью, друзей, работу, имущество. Доверие к людям, самоуважение и здоровье, я думаю, тоже потерял. И ты предлагаешь мне «просто навести о нем справки»? Может, мне наружное наблюдение за ним организовать или на допрос вызвать? Ты своими куриными мозгами в состоянии понять, что подружка твоя вами всеми просто воспользовалась? Вот, смотри сюда! Это не след от удара кулаком, ясно? Это след от удара о твердый гладкий и плоский предмет. Возможно, стена или дверь, но на самом деле может быть что угодно, вплоть до кухонной разделочной доски. Видишь, как равномерно распределилась кровь под кожей? Капилляры лопнули по всей площади удара. От удара кулаком так не бывает.

– Ну, он ее мог толкнуть... – не собиралась сдаваться Арина.

– Мог. Но с тем же успехом она сама могла нанести себе это повреждение. В пользу этого свидетельствует ее девственно-чистая кожа на остальной поверхности тела. Она тут практически голая – и нигде ни пятнышка, только синяк на лице! Не ссадина, как бывает при ударе кулаком, а просто синяк, который выглядит хуже, чем есть на самом деле. Это она вам, праздным дурачкам, могла по ушам ездить. А я столько перевидал всякого, что «липу» отличу даже на такой фотографии. Теперь ясно? На месте этого мужика я бы написал заявление в полицию о мошенничестве.

Виктор вытащил из холодильника новую бутылку пива и вышел из кухни, предоставив Раисе самой гасить пожар, который он разжег. В конце концов, это ее племянница, хоть и двоюродная.

Но перестать думать об одиозном муже-садисте у него никак не получалось.

– Идиотка! – Виктор хлебнул пива и задумался. – А ведь, пожалуй, в данном случае было бы правильно предупредить этого мужика. Для него история продолжается, и лучше ему быть настороже.

Виктор знал это свое свойство: чувствовать ложь и по наитию, не имея четких веских аргументов, в один момент увидеть ситуацию такой, какая она есть на самом деле, а не такой, какой ее хочет изобразить лгуший собеседник. За долгие годы работы следователем он научился мгновенно систематизировать факты и отметить «шелуху» – выдумки и попытки влиять на его чувства, оставляя лишь то, что являлось истиной.

История, которую рассказала Арина, поражала своим ужасающим цинизмом. Муж-тиран и садист-тихушник избивает хрупкую безответную жену с глазами олененка из мультлика. Все просто, понятно, и сама ситуация намекает, как должен поступить каждый, кто считает себя порядочным человеком.

Однако Виктору эти глаза показались слишком уж беззащитными, чтоб быть настоящими. Девочка явно переигрывала. Потому он и присмотрелся к остальному. А когда рассмотрел остальное, то понял и оценил тонкость и величие замысла.

А еще... Отчего-то не казались ему приятели Арины, праздные идиоты, кучка бездельников, вся жизнь которых вертится вокруг модных клубов, инстаграмов, твиттеров и селфи с лайками – вот не казались они ему хорошими людьми, от чистого сердца защищающими беззащитную девушку. Скорее, они просто играли в веселую интернет-игру, где они – благородные мстители, а поверженного злодея необходимо окончательно растоптать, до кровавой каши, и тут все средства хороши, даже такая крайняя мера, как выход из интернета в реальную жизнь.

Ведь именно ради этого Арина приехала к провинциальным родственникам – чтобы убедить дядю воспользоваться своим служебным положением и добавить проблем Синей Бороде.

Ситуация казалась Виктору чудовищной.

– Ничего, приятель, продержись немного. Я тебя сегодня же разыщу и предупрежу, и поглядим, что с этим можно сделать, – вслух обратился Виктор к мнимому злодею и взял телефон.

Помочь в такой ситуации мог только Генка Щелканов. Не только знаток компьютеров и хакер от бога, но и действительно хороший парень, не раз помогавший полиции¹. Негласно, конечно, но помощь эта была очень своевременной и ценной.

– Привет! – обрадовался Генка. – Вот здорово, что ты позвонил! Я сам хотел тебя набрать, чтоб вы с Дэном все бросали и приезжали сейчас же к нам на дачу. У нас тут шашлыки стихийно организовались, уже мангал разжигаем. Я звонил Дэну, а он говорит – я в отпуске, на озерах каких-то. Я тебя собирался набрать, а тут ты и сам звонишь.

– В честь чего у вас шашлыки вдруг?

– Да просто день хороший. – Генка засмеялся. – Хеллоуин, понимаешь?

Раньше Хеллоуин казался Виктору праздником, искусственно созданным голливудскими сценаристами. Но дочь Светка показала ему фотографии настоящего американского Хеллоуина – веселого костюмированного действа, к которому детвора готовится заранее, нетерпеливо предвкушая веселье. Огромные оранжевые тыквы со страшными, но на самом деле вовсе не страшными ухмылками, черепа, летучие мыши и пауки. Пожалуй, если бы он не был взрослым дядькой и майором полиции... В общем, в детстве он точно бы радовался такому празднику.

Вот и Генка с приятелями отмечают Хеллоуин – шашлыками и пивом. Идея хорошая, да и суббота опять же. Виктор завистливо вздохнул: ему вряд ли светит попасть на этот праздник жизни, а Генка ему нужен трезвый и работоспособный.

– Витек, а ты что хотел-то? – Генка наконец сообразил, что приятель звонит ему не просто так. – Случилось чего?

– Насколько мне известно, пока ничего существенного. – Виктор ухмыльнулся, осознавая неточность формулировки: в этот самый момент в мире случилось много чего, и это, согласно «эффекту бабочки», может оказать влияние на всех. – Но есть одна ситуация... Мне нужно кое-что прояснить для себя. Пока неофициально, а потому я сам запрос в базу делать не хочу. Ген, мне прямо сейчас нужна информация на Радецкого Никиту Григорьевича. Год рождения неизвестен, но ему примерно лет тридцать пять, туда-сюда два года.

– Скоро перезвоню, – деловито сказал Генка и отключился.

Виктор специально не стал ничего спрашивать у Арины. Чтобы глупой девчонке и в голову не пришло, что он собирается предпринять нечто, хотя и совершенно противоположное тому, о чем его просили. Даже об этом Арине знать не нужно.

Не прошло и десяти минут, как раздался звонок.

– Радецкий Никита Григорьевич, тридцать шесть лет, – бодро начал докладывать приятель. – В недавнем прошлом ведущий менеджер крупной международной корпорации, сейчас работает директором строительного супермаркета «Эпицентр». Был женат на Стрельцовой Габриэлле Альбертовне... дикое сочетание... а сама красотка... Недавно развелся... Отец твоего фигуранта – Радецкий Григорий Васильевич, генерал-лейтенант армии. Умер скоро уж четыре года как. Мать до сих пор жива, прописана в Александровске, работает в городской детской библиотеке. Ух ты! В Сети полно подробностей, как Никита Григорьевич зверски избивал жену.

– Не верь всему, что пишут в интернетах. – Виктор досадливо фыркнул. – Живет он где?

¹ Подробнее читайте об этом в романе Аллы Полянской «Вирус лжи».

– Прописан у матери. Я тебе все данные на почту скину, там и адрес посмотришь. Кстати, мать недавно лечилась в больнице и лежала в отделении у доктора Круглова. Мир тесен! Возможно, Семеныч знает этого типа.

– Ладно, спасибо. Поищи мне еще информацию о его жене. Чем больше найдешь, тем лучше.

– Как срочно?

– Ну, скажем, завтра будет в самый раз.

– Ок, сделаю! – жизнерадостно ответил Геннадий. – Жаль, что ты не можешь к нам.

– А мне-то как жаль! Давай, до завтра.

Строительный супермаркет «Эпицентр» был Виктору хорошо известен. И как раз сегодня супермаркет намеревался порадовать клиентов акцией в честь Хеллоуина – сутки «ужасных скидок». Плюс, судя по навязчивой рекламе на местном телеканале, покупателей ожидало варварское великолепие – зал, оформленный трупами и черепами.

Конечно, Раиса не простит, если он отправится сейчас к черту на рога в этот самый «Эпицентр». Однако необходимость провести вечер в компании Арины казалась большим злом, нежели размолвка с женой. С Раисой они ночью помирятся, а нервные клетки, которые погибают во время выслушивания глупостей, изрекаемых племянницей, уже не восстановятся.

Виктор немного подумал – дело паршивое, после пива ему за руль никак, но ехать надо.

– Вот я же тебя просила... – в комнату вошла Раиса, но Виктор видел, что жена особо и не сердится.

– Раечка...

– Вить, я вот что думаю... – Раиса прикрыла дверь и понизила голос. – Надо поехать к этому парню, о котором Аринка рассказывала, и все ему рассказать. Ну, что ничего еще не закончилось...

– Ты приняла мою сторону? – усмехнулся Виктор.

– Я же все-таки жена полицейского. И уж столько-то я знаю о жизни, чтобы понять: ты прав. Вить, давай прямо сейчас поедem, я за руль сяду.

– А давай. Тем более там сегодня какую-то невероятную акцию обещали. Реклама была интересная, вот и поглядим. Племяшка-то где?

– Светка с собой увела, – Раиса вздохнула. – Вить, а ведь жаль парня, если все вот так.

– Ну, может, не все так плохо...

Они спустились вниз и сели в машину. Ехали молча. Виктор никак не мог решить, как объяснить этому Радецкому, с которым поступили скверно, что все еще не закончено, однако есть те, кто на его стороне.

– Ой, смотри!

Магазин сиял оранжевыми огоньками, на входе миловидная девушка в костюме эльфа раздавала желающим шарики в виде улыбающихся тычков.

– Как мило! – Раиса, улыбнувшись, все же отказалась от предложенного шарика. – Вить, а ты деньги взял?

Виктор ухмыльнулся – женщина есть женщина, и при виде магазина у нее сразу возникает желание истратить деньги на какую-то ерунду.

– Карточку взял. – Виктор приобнял жену за плечи. – Но сначала дело.

– Конечно.

Из игровой комнаты доносился восторженный многоголосый визг – шел какой-то веселый конкурс, в руках у многих детей были пушистые пауки на веревочках и те самые шарики в виде улыбающихся тычкв.

– Молодцы, отлично придумано. – Раиса заинтересованно рассматривала оформление зала. – Вить, давай найдем этого парня, а потом я хочу тут побродить. Вон там отдел с кухонными штучками, и цветы тоже есть...

– Ты, главное, по миру нас не пусти, – с напускной суровостью ответил Виктор.

– Да уж как-нибудь не пущу! – улыбнулась жена.

Раиса не только была отличной хозяйкой, но и неплохо зарабатывала в собственной аудиторской фирме. И уж конечно, она умела планировать бюджет семьи так, чтобы хватало на все. Трое детей, куда же деваться, нужно думать о многом.

– Девушка, нам бы директора, – обратился Виктор к симпатичной девушке с бейджилом «Анна, старший менеджер».

Менеджер Анна заинтересованно глянула на Виктора веселыми карими глазами.

– Может быть, я могу вам помочь? Зачем же сразу директор? Если есть проблема, я помогу ее решить.

– Мне директор нужен по делу. – Виктор вздохнул и достал «корочки». – Просто проводите нас к нему.

Анна мельком глянула на удостоверение, и ее глаза стали серьезными.

– Конечно, пройдемте за мной. Ой, осторожно, здесь у нас акция на генераторы.

– Вижу. – Виктор с интересом посмотрел на манекен, сразу оценив задумку: скупой хозяин пожадничал купить хорошие крепежи. – Художественно, да. Рая, ты иди тогда, поброди где собиралась, а я уж сам, чего нам толпой вваливаться.

– Вить, давай вместе, – не согласилась Раиса.

Она очень надеялась, что ее присутствие разрядит обстановку, иначе все будет выглядеть слишком уж официально. Виктор покажет удостоверение, начнет задавать вопросы, а парень и так уже пережил слишком много. Вряд ли поверит, что Виктор хочет ему помочь.

– Отлично у вас тут сегодня все придумано. – Раиса улыбнулась девушке. – Такого я нигде не видела.

– Прежний директор не позволял ничего подобного. Вроде как у нас серьезная направленность и все такое. А Никита Григорьевич ко всем инициативам относится с большим вниманием. Тот отдел, что вы видели – с сувенирами и цветами, – мы открыли совсем недавно и не прогадали. Вы еще остального не видели, а среди стеллажей множество сюрпризов! Вот, вы пришли. Я доложу?

– Да мы и сами доложим. – Виктор улыбнулся девушке. Старший менеджер ему понравилась, ему вообще нравились такие улыбчивые легкие люди. – Спасибо, мы обязательно все тут у вас рассмотрим, я заинтригован.

Виктор не лукавил. Ему действительно хотелось окунуться в эту беззаботную суету, посмотреть, что еще придумали сотрудники-затейники. И бог с ним, что и праздник не наш, и вся эта мишура просто для привлечения покупателей. Главное, ненавязчиво и креативно, а покупателям радостно и весело.

Виктор постучал и, не дождавшись ответа, вошел. Хозяин кабинета стоит к ним спиной у большого аквариума и разговаривает с его обитателями.

– Ну же, налетайте, ребята!

«Ребята», крупные хвостатые и пучеглазые рыбки, сбились в кучу у кормушки и даже, кажется, смешно чавкают, поедая свой корм.

– Ну, то-то. Трескайте, – ласково приговаривает директор.

Видимо, он настолько поглощен своим занятием, что не услышал ни стука, ни звука открывающейся двери. Получается, его застали врасплох, и вряд ли он этому обрадуется.

Виктор вежливо кашляет, и Никита Радецкий резко оборачивается. Держа в руках банку рыбьего корма, он вопросительно смотрит на неожиданных посетителей.

Выглядит Радецкий совсем не так, как на присланных Генкой фотографиях. На тех фото он улыбающийся, холеный молодой яппи, в отлично сшитом костюме и со стильной стрижкой. Сразу видно, что человек умеет правильно определять цели, а потому и состоялся в жизни, достиг определенных успехов.

А сейчас Виктор видит перед собой усталого донельзя мужика, в простых джинсах и вязаной безрукавке. Светлые волосы подстрижены обычным ежиком. И только спокойный взгляд темных глаз, а также воротник и манжеты идеально белой рубашки говорят о том, что где-то там внутри остался прежний Никита Радецкий.

Только, наверное, где-то очень далеко.

Виктору слышно, как вздыхает Раиса. Что ж, парень, совсем ты не похож на садиста-психопата... И не потому, что многие не похожи, а потому, что ты – не он! Конечно, никакую жену Радецкий и пальцем не тронул. Он вряд ли вообще способен на насилие, это Виктор понимает сразу. Ему уже нравится Никита: он умеет держать удар, потому что не спился, не начал жалеть себя, не опустил.

Но сейчас его ноша слишком тяжела, а Виктор пришел сделать ее еще тяжелее. И он понимает, что этому парню очень нужна помощь, однако он скорее позволит себе уши отрезать, чем попросит кого-то помочь.

– Добрый день! – закрывая банку, приветливо говорит Никита. Корпоративная выучка не пропала зря, он может казаться доброжелательным и открытым, не будучи таковым. – Проходите, пожалуйста! Присаживайтесь и расскажите, что вас ко мне привело. Может, чаю или кофе?

– Нет, спасибо, – отказывается Виктор и пододвигает Раисе кресло.

Та заинтересованно косится в сторону аквариума.

– Я на рыбок посмотрю, ладно? Надо же, здоровенные, как поросята. А глазищи какие! Как они называются?

– Рыбка-телескоп, – улыбается Никита. – Одна из разновидностей золотой рыбки. Китайцы считают, они приносят счастье и удачу.

Виктор смотрит на толстых хвостатых рыбок, жадно хватающих куски корма, хлопьями опускающегося на дно аквариума. Пожалуй, им пора начать отрабатывать хозяйский хлеб.

3

– Не нравится мне эта девица!

Диана Бережная толкнула мужа, мирно изучавшего в своем планшете статью по криминалистике.

– Да, согласен.

Генерал Бережной с интересом рассматривал фотографии трупов, расчлененных при помощи разных инструментов.

– Андрей, если ты немедленно не обратишь на меня внимания, я за себя не ручаюсь.

Бережной с сожалением отложил планшет и повернулся к жене – он не умел оказывать ей сопротивление.

– Обращаю. Что там у тебя?

– Вот, смотри, – Диана пододвинула к нему свой ноутбук. – Я уже не раз натыкалась на рекламу этой барышни. И рекламу достаточно агрессивную, кстати. У нее в интернете есть канал – она ведет цикл передач, посвященных проблеме домашнего насилия. Знаешь, сейчас можно просто в интернете создать собственный канал и вещать там о чем угодно. И все! Ты звезда! И вот эта барышня посвятила себя борьбе с домашними тиранами...

– Ну, пока мне все нравится. – Бережной водрузил на нос очки и посмотрел на экран. – Девица вполне приглядная. И тема нужная: культура семейных отношений у нас отсутствует, часто и бытовая культура тоже, а от домашнего насилия ежегодно страдают...

– Перестань пересказывать мне полицейские сводки! Меня не надо убеждать, что тема нужная. – Диана сердито нахмурилась. – Я тебе совершенно не об этом толкую, Андрей.

– А о чем же?

Бережной знал, что иногда его Диана умеет видеть вещи, которые даже его опытный полицейский взгляд пропускает. И там, где он видит что-то вполне обычное, Диана каким-то непостижимым образом видит преступление. Он много раз просил жену объяснить цепочку рассуждений, но все упиралось в одно простое, но неразрешимое противоречие: цепочка рассуждений Дианы ему лично ни о чем не говорила, но результат всегда оказывался в пользу ее выводов.

Именно поэтому игнорировать сейчас наитие жены было бы глупо.

– Ну, так что там с этими передачами?

Диана включила запись. Ведущая вполне профессионально рассуждала о безнаказанности домашнего насилия. О запуганных жертвах, которые молчат и не обращаются в полицию, потому что не верят, что закон их защитит. И правильно не верят! Ведь полиция смотрит сквозь пальцы на страдания женщин и детей, ставших жертвами домашних тиранов.

– Ну, и что? Обычный набор психологических и социологических клише, поданных в форме, доступной среднестатистической домохозяйке.

– Я не предлагаю изучить, *что* она говорит. Пока не предлагаю, заметить. Со временем и до этого дело дойдет. – Диана нажала на паузу. – Я предлагаю обратить внимание на то, что все это идет в прямом эфире. Ну, якобы.

– Почему якобы?

– А потому, Андрюша! – подняла указательный палец Диана. И, взяв телефон, набрала номер, высвечивающийся на экране. – Видишь, абонент занят.

– Ну и?.. – не понял Бережной. – Поступает множество звонков, только и всего.

– Но не всякий же раз! – Диана ткнула пальцем в лицо ведущей. – Да, можно и десять, и двадцать раз наткнуться на занятого абонента, но невозможно на протяжении десяти, к примеру, прямых эфиров не дозвониться ни разу. Это же не центральный телеканал, а просто канал в интернете.

– Ты решила поговорить о домашнем насилии?

Бережному все еще решительно непонятно, что так взволновало Диану. Допустим, ролики записаны, и девица лжет насчет прямых эфиров. Кому от этого плохо? Она же не нарушает никаких законов.

– На самом деле эти вопросы, скорее всего, просто записаны и включаются кем-то. Нет у нее никакого чата. А вот *у меня* есть устойчивое ощущение, что канал этот создан с какой-то определенной целью. Понимаешь? Нет, я не спорю, тема нужная и весьма благодатная. Но здесь есть еще кое-что, смотри дальше.

Диана вновь включила запись, убрала звук, и Бережной внимательно взгляделся в лицо ведущей.

Очень светлая блондинка с голубыми, немного даже белесыми глазами, какие часто бывают у альбиносов. Но кожа смуглая. Значит, либо волосы и глаза подделка, либо на кожу нанесен «автозагар».

– Она всегда так выглядит?

– Как?

– Ну, вот этот цвет волос и глаз в сочетании со смуглой кожей?

– Да, всегда. Только прическу меняет. – Диана толкнула Бережного плечом. – Вот, смотри, начинается.

Она вернула звук, и на экране возникло размытое изображение. Бережной не сразу даже понял, что именно он видит. И только женский истошный крик поставил все на свои места.

– Сделай тише, еще Аленка услышит.

– И то верно.

Они оба подумали о том, что для их дочери подобные сцены были когда-то обычным делом.

До того, как она стала их дочерью, Аленка жила в жуткой семье. Пьющие родители, и все соседи тоже пили, дрались, убивали друг друга, а женские вопли были там такой же обычной вещью, как смена времен года. Когда биологические родители девочки умерли, а она сама оказалась в больнице, Бережные решили во что бы то ни стало дать осиротевшему ребенку семью². Девочка сразу привыкла к ним, а они окружили ее той заботой и любовью, какими окружают позднего желанного ребенка. Но оказалось, что при Аленке им нельзя было спорить, даже в шутку, не то что поссориться. Потому что Аленка не понимала пока разницы между их спорами и несогласиями по некоторым вопросам и тем, что происходило в ее прежней жизни. Нет, она понимала, что родители не затеют драку – столько-то она уже могла понять, но она боялась любых споров и ничего не могла с собой поделать – просто пока не знала как.

И волей-неволей, но Бережные привыкли следить за своими словами и интонациями, они не хотели, чтобы хоть что-то воскресило в дочке эти воспоминания. И сейчас женские крики вполне могли испугать Аленку.

На экране тем временем происходило следующее: какой-то мужик избивал ногами голую женщину, и экзекуция, судя по состоянию жертвы, длилась не первый час. Женщина, все тело которой было покрыто багровыми кровоподтеками, просила пощады, но кто-то – тот, кто все это снимал, подбадривал и подначивал агрессора. Из комментариев «оператора» становились понятны и причины происходящего. Муж застал жену в момент акта прелюбодеяния. Где-то «за кадром» страшным хрипом исходил незадачливый любовник, которого, видимо, избивали приятели обманутого супруга. И симпатии их однозначно были на стороне мужа, в праве которого на расправу никто не сомневался: «Вишь, епта, сама виновата! За кого ты считала мужа-то!»

– А теперь смотри дальше, – поморщилась Диана.

² Подробнее читайте об этом в романе Аллы Полянской «Вирус лжи».

В следующем ролике двое крепких парней вытаскивают из подъезда упирающегося мужика в обвисших трениках. В руке мужик крепко сжимает бутылку, из которой льется пиво. Дальше парни споро обливают мужичка какой-то липкой жидкостью и обсыпают то ли перьями, то ли синтетическим наполнителем для подушек. И, отвесив своей жертве пару хороших затрещин, запикивают в мусорный контейнер.

Лица парней скрывают маски, ролик сопровождают восторженные комментарии ведущей: мол, если закон ничего не делает с насильниками, мы сами станем законом.

– Да, состав преступления налицо, – не мог не согласиться генерал.

– Именно, причем в обоих случаях! – кивнула Диана. – И меня, господин генерал, не покидает ощущение, что все это делается не просто так. Есть определенная цель, истерия нагнетается осознанно. Посмотри, у канала больше миллиона подписчиков. То есть движение приобретает популярность.

– Да, вижу.

– Но! Почему она лжет насчет прямого эфира? Лично для меня этот факт обесценивает ее усилия. – Диана закрыла ноутбук и устроилась поудобнее. – Андрей, а как бы узнать, кто она? Ведущая эта?

– Зачем? – не понял Бережной.

– Да понимаешь... – Диана задумалась. – Вот крутится в голове одна мысль, а форму никак не обретет.

– Разве неофициально справки навести. Ну, ты знаешь, у меня связаны руки.

– А Игорь не поможет?

Бережной поморщился. Он терпеть не мог обращаться с просьбами к давнему приятелю Игорю Капинусу. Тот, возглавляя одну из спецслужб, никогда не отказывал. Но всегда, фигурально выражаясь, щелкал Бережного по носу – видишь, я могу то, чего не можешь ты.

Так они соревновались с самого детства, с нежного детсадовского возраста. Жили в одной коммуналке, и родители по очереди сидели с мальчишками. Но подружить сорванцов оказалось делом непростым – у обоих были сложные характеры, каждый хотел верховодить, но не желал, чтобы верховодили им.

Так оно осталось и по сей день. Иногда Бережной злился, но чаще испытывал приятную ностальгию: они с Игорем играют в эту игру всю жизнь, и им это нравится, потому что лишь так можно снова ощутить себя тем, кем был когда-то – просто мальчишкой из коммуналки. И словно живы еще родители, и будто нет за спиной непросто прожитой жизни, и можно побыть самим собой.

Именно ощущение общности прошлого, наверное, и держало их вместе. Хотя это «вместе» было относительным – они могли неделями не созваниваться и месяцами не видеться, а потом вдруг раздавался звонок и знакомый голос произносил: «Ты не охренел, братец? Куда пропал?»

Они вместе хоронили родителей – сначала по очереди ушли отцы, потом так же по очереди матери. И это сблизило их еще сильнее, сделало их отношения почти родственными, и хотя ни один из них не готов был назвать другого лучшим другом, но родственники не всегда друзья, что ж.

А потому, когда пришло время крестить Аленку, кандидатура на роль крестного отца даже не обсуждалась. Все было понятно сразу.

– Беспокоить Игоря из-за какой-то безделицы...

– Андрей, никакая это не безделица! – Диана рассердилась. – Затеваются что-то серьезное! И эти ролики формируют общественное мнение. Причем среди тех, кто практически не смотрит телевизор, считая себя современными продвинутыми людьми. Нынешнее телевидение деградировало, телевизор смотрят только сборщики мусора и военные пенсионеры.

– Почему ты приравнила сборщиков мусора к военным пенсионерам? – удивился генерал.

– Потому что эти две категории граждан – самые главные потребители теледерема. Первые в силу неразвитости мыслительного аппарата, вторые в силу ограниченности мыслительного коридора: как привыкли когда-то, что «круглое катим, квадратное несем, программа «Время» – наше все», так и не могут перестроиться.

– Это шовинизм и дискриминация, – Бережной хмыкнул. – Но насчет канала ты права. Наверное, надо поговорить с Игорем.

Для себя он все уже решил. Конечно, вот так с ходу он к Игорю не пойдет, но тем интереснее будет их будущий разговор.

* * *

Анна Лепехина ликовала. Такого успеха она не ожидала. С самого утра народ валит в магазин, в новый отдел посуды и аксессуаров для кухни уже дважды пришлось заказывать товар со склада, отдел сувениров пустеет с пугающей быстротой, а на рампах идет погрузка товара, предназначенного для доставки покупателям. Продавцы в оранжевых майках снуют между покупателями со скоростью пресловутых белок в колесе. В игровой комнате, сменяя друг друга, развлекают детвору специально нанятые для этого дня аниматоры, а заказанная партия милых пауков тает на глазах. По счастью, к вечеру детишек стало поменьше.

– Как сегодня касса?

Старший кассир сделала неопределенный жест рукой, но вид у нее довольный.

– Похоже, мы сорвали джекпот. Развозка до сих пор идет, и доставка расписана на два дня вперед.

– Отлично.

Прежний директор при виде Анны морщился как от зубной боли. Впрочем, дело было не в ней самой, а в юношеской психологической травме начальника. Как-то он проговорился, что Анна напоминает ему назойливую школьную активистку, которая вечно бросалась устраивать разного рода увеселения, доставляющие удовольствие только ей и учителям.

Но потом директор уволился без объяснения причин. Две недели его кабинет пустовал, а обязанности выполняла сама Анна. Как раз тогда она поняла, что это вообще не ее – руководить кем-то, кроме сотрудников своего подразделения, думать о тысяче вещей одновременно, казнить и миловать. И потому, когда им представили нового директора, Анна откровенно обрадовалась. К большому удивлению многих. Сотрудники шептались, что вот, дескать, Анька уже и кресло себе присмотрела, а не вышло, но Анна-то знала, что ни за какие коврижки не заняла бы это кресло.

Она была из тех редких людей, которые находят удовольствие в своей работе.

Новый директор ей понравился. Молод, хорош собой, знает свое дело – все его действия, продуманные и последовательные, свидетельствовали о высоком профессиональном уровне.

К тому же, когда Анна впервые сунулась к нему с одной из своих идей, он отнесся к ней внимательно, попросил расчеты и обещал подумать, а на следующий день она получила свои расчеты обратно, с аккуратными пометками на полях и с одобрением инициативы в целом.

В тот день Анна была счастлива.

Она начала присматриваться к новому начальнику, и чем больше смотрела, тем сильнее нравился ей этот немного отстраненный, но всегда предельно корректный и очень аккуратный человек. И по тому порядку, который царил на его рабочем столе, и по тем нововведениям, которые он внедрил в их городе-магазине, было понятно, что порядок – его страсть. Этот человек привык класть вещь туда, откуда взял, и при надобности находить ее на прежнем месте, и другой порядок вещей его удивлял и настораживал.

Ее интерес не остался незамеченным, и сотрудники начали судачить у нее за спиной. Но Анну это не волновало. Она всегда все о себе знала сама, когда-то давно, еще в отрочестве здраво рассудив, что чужие люди не могут ни знать, ни понимать ее саму, а уж причины ее действий тем более. Каждый судит со своей колокольни и примеряет на себя, и на чужой роток не накинешь платок, а потому все досужие разговоры если и долетали до нее, то никак не влияли на ее самоощущение.

Подумаешь, болтают. Поболтают и перестанут, а она-то останется.

О том, что Никита Радецкий является объектом интернет-травли, Анна узнала случайно.

Сама она не была поклонницей социальных сетей. Ее многочисленные знакомые охотно проводили время в интернете, постоянно обмениваясь фотографиями и комментируя чужую жизнь, но Анна во Всемирную паутину заходила редко и, как правило, по работе. Когда одна из девочек-менеджеров сбросила ей ссылку на блог некой Габриэллы, Анна лишь плечами пожала. Зачем ей читать интернет-дневник какой-то девицы со странным именем? Но сотрудница, смеясь, сказала: открой, очень удивишься.

Сказать, что Анна удивилась, – это ничего не сказать.

Дневник показался ей нарочитым и фальшивым, а сама Габриэлла сразу активно не понравилась. Анна вообще настороженно относилась к людям, готовым выставлять подробности своей жизни напоказ, но дело было даже и не в этом. Просто широко распахнутые глаза олененка Бэмби и приоткрытый нежный рот слишком уж прямо, в лоб создавали образ инфантильной, незащитной, хрупкой и уязвимой жертвы.

Доверчивые глаза Габриэллы и тем более по-дебильному приоткрытый рот – казалось, у барышни проблемы с носоглоткой и она просто не может дышать носом – вызывали устойчивое раздражение. К тому же у Анны уже сложилось свое собственное мнение о Никите Радецком.

Как все методичные люди, Анна привыкла доводить до конца все, за что бралась. Она просмотрела дневник от корки до корки – если так можно сказать об интернет-дневнике. Прочитала комментарии, прошла по всем ссылкам, и картина беды, обрушившейся на Никиту, стала ей яснее ясного. Как и причина его приезда в Александровск.

Настоящей жертвой был именно он – Никита Радецкий, которого бывшая жена обвиняла в издевательствах, регулярных избиениях, домашнем и не очень насилии.

На работе над директором откровенно смеялись. Понятное дело, за спиной, а в глаза ни-ни. За Никитой прочно закрепилась кличка Чикатило. Даже когда народу надоело читать откровения Габриэллы и слухи утихли, кличка все равно осталась.

Анна понимала, что Никита понятия не имеет об этом блоге, как и о том, что его бывшая жена разогнала против него настоящую волну ненависти и даже сообщество организовала «ненавидимНикитуРадецкого».

В этом сообществе гнездились и пузырились праведным гневом невесть кто, какие-то люди, которые никогда и в глаза не видели ни Габриэллу, ни тем более Никиту. Писали ужасные гадости, причем Анна с неприятным изумлением нашла и пару знакомых фамилий. Сотрудники магазина тоже поныряли в этом потоке дерьма. Но они-то как раз знали Никиту, работали под его началом, а он ведь был компетентным и справедливым руководителем. Но почему-то верили не собственным глазам, а домыслам неизвестных им ненавистников.

Как можно изо дня в день общаться с человеком, а за спиной противно хихикать и обзывать обидной кличкой, она в принципе не понимала, но девушку-менеджера, которая и разнесла по коллективу эту отвратительную сплетню, Анна уволила. Вот просто из мелочной мести, да. А на телефонные звонки потенциальных ее работодателей – ведь уволенная девица пыталась устроиться на аналогичную работу – Анна выдавала самые нелюбимые характеристики и не считала, что кривит душой, потому что разносить мерзкие сплетни за спиной ничего не подозревающего человека, который тебе лично ничего плохого не сделал, – отвратительная подлость.

Анна, конечно, понимала, что если бы не конкретно эта девушка, то кто-нибудь другой сообщил бы коллективу сногшибательную сплетню про директора. Но тем не менее сплетницу уволила. Просто за излишнюю склонность к сплетням.

Однако, как сказать Никите о происходящем, она не знала.

Несмотря на доброжелательную вежливость, Никита держал невидимую, но очень ощутимую дистанцию, не допускающую никаких «нерабочих» разговоров. Анна старалась изо всех сил не подвести, не разочаровать, чтобы он понял: на нее можно положиться. И ей так нравились его аккуратная стрижка, и спокойный взгляд темных глаз, и голос, чуть глуховатый. Но начать разговор о вещах, которые происходили где-то там, в другой жизни, она не могла.

Когда она поняла, что Никита положительно относится к ее инициативам, у нее словно крылья выросли. И уже тогда ей в голову пришла идея с оформлением зала на Хеллоуин и комплекс мероприятий по «ужасным скидкам», она несколько ночей просидела, подсчитывая и расписывая возможные расходы и доходы, с учетом скидок, – она отчего-то уже знала, что идея будет принята, и не ошиблась.

И они несколько дней планировали, проводили совещания, и Анна видела, что Никите тоже нравится вся эта суета. Но их разговоры так и не перешли с рабочих тем на что-то более личное. Дистанция не сократилась. Ничего о Никите она так и не узнала, несмотря на то, что бывала в его кабинете постоянно.

Аквариум с рыбками и несколько книг о стратегии продаж, стоящих на полке над ним, ничего не могли рассказать Анне о внутреннем мире начальника. На компьютере у Никиты были только закладки с профильными сайтами поставщиков, покупателей, таблицы и программы, нужные в работе. Он не смотрел в рабочее время фильмы, не читал ничего, кроме прайсов и спецификаций, и понять, чем он занимается в свободное время, было невозможно.

И поговорить тоже было невозможно.

Но когда сегодня – именно сегодня, в такой прекрасный день! – в магазин пожаловал офицер полиции, Анна поняла, что у директора снова проблемы. Шестое чувство подсказывало – дело не в работе, проблемы именно у Никиты. И, несмотря на то что полицейский не выглядел слишком грозным и пришел в нерабочее время, причем с женой, то есть визит был неофициальный, но Анна предчувствовала беду. Значит, ничего еще не закончилось. И поймала себя на том, что хочет дать незнакомой Габриэлле здорового «леща», и чтоб синяк уж точно получился огромный и настоящий, и пусть бы она выкладывала в интернет хоть тысячу фотографий своего личика, плевать.

Потому, когда за полицейским закрылась дверь кабинета директора, Анна уйти не смогла. Ей нужно было в зал, выполнять свои обязанности, но бросить Никиту в беде было выше ее сил, ноги словно приросли к полу. Подслушивать она не собиралась и решила поговорить с полицейским, когда тот выйдет от Никиты и будет ждать свою жену.

Она расскажет ему... ну, о том, что Никита совсем не такой. Что все истории мерзкой Габриэллы – одно сплошное вранье, а сама она отвратительная лгунья. И откуда бы ни взялись ее синяки, Никита не имеет к этому ни малейшего отношения. И только потому, что она вытаращила глаза и приоткрыла рот, все ей ужасно сочувствуют. Как же просто обмануть кучу народу, если у тебя тощие ножки и по-дебильному приоткрытый рот. А на других фото эта самая Габриэлла вытягивает губы «уточкой». Что за кретинская мода – кривить рожу, изображая звезду Голливуда?

Желание надавать мерзавке подзатыльников окрепло окончательно. И Анне вовсе не было стыдно.

– Ань, что там наш-то? Занят?

Это Ирка-кладовщица прибежала с какими-то бумажками. Видимо, на складе совсем запарка, если Игорь прислал Ирку. Она всего месяц работает и все на свете путает. Всегда

суетливая, ярко и безвкусно покрашенная, с крысиным хвостиком медного оттенка и брекетами. Анне кладовщица не нравилась, вызвала глухое раздражение.

– Да. У него посетители.

– Вот незадача! – Ирка огорченно сделала бровки домиком, изобразив разочарование, что при таком макияже выглядело поистине гротескно. – Игорю нужна подпись на служебной записке, без разрешения Чикатины он же...

– Ира! – Анна почувствовала, как в ней поднимается злость. – Он тебе что-то плохое сделал, в деньгах ущемил или оскорбил?

– Ты чего?!

– Вот вы все заладили: Чикатило, Чикатило! – и ее яростный шепот летит прямо в лицо опешившей кладовщице. Да, она сама провоцирует конфликт, но сейчас это не имеет никакого значения. – Тебя тут не было, когда старый директор всех топтал и унижал, так знай: при прошлом директоре ты дышать бы боялась. В кои-то веки тут появился нормальный человек, а у вас вместо благодарности сплошные смешки да подначки. Да еще и за спиной. В глаза-то боязно сказать? Вам нужен деспот, который будет вас на куски рвать, а вы его за это уважать начнете? Да?

– Чего ты завелась-то? – Ирка отпрянула, и голос сорвался на визг. – Все так говорят. Что такого-то? Не со зла же.

– А все станут серную кислоту пить, и ты напьешься? – Анна выдернула из рук кладовщицы бумаги. – Не со зла... А с чего, с добра? Или ты считаешь, что это очень весело? Типа шутка такая? Ступай на склад, а я сама все подпишу и принесу Игорю.

– Совсем ты сбрендила на почве служебного рвения. – Кладовщица обиженно поджала губы. – Значит, не зря говорят... И правда ты втюрилась в Чикатилу по самые уши. Только он и тебе плюх навешает, погоди. Фотки-то в интернете все видели, не слепые. Тихий да интеллигентный, а видала, бабу как разукрасил? И ведь даже не скажешь... Такой весь из себя принц, а на деле Чикатила и есть.

– Ира! Еще одно слово, и ты сегодня же будешь заявление на увольнение писать! – Анна уже не сдерживалась, а когда надо, она умела вот так – быть стеклянно злой, и тогда ее карие глаза уже не смеялись. – Я тебе не подружка со склада, с которой ты курить бегаешь. Я старший менеджер, и, если я поставлю вопрос, он решится положительно. Для меня – положительно, а для тебя – отрицательно. Ты поняла меня?

Ирка насупилась, молча глядя на Анну, но развернуться и уйти не решалась.

– Не слышу ответа! Ты все поняла?

– Поняла.

– Ступай работать. А будешь болтать, вылетишь отсюда в два счета. Да еще с такими рекомендациями, что и тряпкой махать не устроишься.

Вот из-за таких моментов Анна и ненавидела кем-то руководить. Она старалась не обижать людей, и разные наказания, взыскания – это было совсем не ее, но сейчас она пребывала в том редком для себя состоянии, когда ярость делает мир предельно ясным, а все решения, которые принимаются, верными, даже если потом окажется, что можно было поступить иначе, более гуманно.

Анна никогда не понимала людей, которые уважают только кнут, а любого мягкого и вежливого человека, пытающегося с ними договориться, тут же записывают в слабаки и стараются сесть ему на голову. Прав был Никита, когда с самого начала проредил особо зарвавшихся, желавших общаться с начальником на равных. А вот с оставшимися уже можно было взаимодействовать в привычной, интеллигентной манере.

Сегодня под раздачу попала Ирина. И Анна прикидывает, стоит ей уволить девицу или нет. Однако она Анна, не Никита, и ей такое решение принять слишком сложно.

– Поговорю с Игорем, – решила девушка.

Со старшим кладовщиком Игорем Анна когда-то училась в одном классе. Они жили в одном доме – старом двухэтажном доме на улице Лизы Чайкиной, в соседних подъездах. По соседски приятельствовали и даже до седьмого класса сидели вместе – раз уж обязательно нужно было делить парту с каким-то мальчишкой, Анна выбрала Игоря.

Собственно, с ее легкой руки он и попал сюда на работу.

Игорь соглашался с Анной в том, что сотрудники ведут себя по-хамски и если вся эта история со сплетнями и кличками выплывет наружу, то дело закончится скверно. Сам он к новому директору относился уважительно и грязную интернет-травлю воспринимал философски: мало ли, что там в интернете пишут, любой может написать что угодно, стоит ли всему верить!

Но Игорь не сможет заткнуть всех этих досужих кумушек, каждый час стайкой бегающих курить. Игорь очень ограниченно сотрудничает с социумом, ящики и рулоны на складе ему ближе и понятнее, чем человечество.

Зазвонил телефон, и Анна улыбнулась. Игорь, легок на помине!

– Привет.

Они виделись утром – Игорь, как всегда, привез ее на работу. У него была старенькая машинка, и они ездили вместе каждое утро, а каждый вечер Игорь терпеливо ждал ее на стоянке, чтобы ехать домой.

И тем не менее они всегда при встрече или в телефонном разговоре начинали беседу с приветствия.

– Привет, Игорь. Только что кладовщице твоей выдала порцию пинков.

– Даже не спрашиваю за что. Им всем это, пинки то есть, идут на пользу. Ань, ты можешь ко мне зайти?

– Сейчас?!

– Нет, но в ближайшие час-полтора. Мне тут надо посоветоваться... я, понимаешь, не знаю, что и думать.

– Что произошло?

– Я кое-кого тут видел, кого здесь и быть не должно, и...

Дверь кабинета открылась, вышел полицейский, вслед за ним его жена. На Анну они не обратили внимания. Все выглядело так, словно она только что подошла. Анна обеспокоенно посмотрела на Никиту, но он был такой же, как всегда, – спокойный и доброжелательный. И полицейский с женой остановились в дверях.

Анна сориентировалась быстро:

– Игорь, давай я зайду к тебе позже, у меня тут...

– Конечно, как только сможешь, просто не забудь.

– Если забуду, позвони мне.

Спрятала телефон в карман, перехватила поудобнее пачку документов и повернулась к Никите.

4

Диана везла Аленку в детский развлекательный центр. Бережной остался дома – к величайшему разочарованию Аленки, но все-таки вожаденные развлечения наполняли девочку радостным предвкушением.

– Мы же купим папе сладкую вату?

– Конечно, привезешь ему огромный шар. – Диана осмотрелась и, обнаружив на переполненной стоянке свободное место, ловко припарковалась. – Ну, и кто королева парковки?

– Ты королева парковки! – Аленка засмеялась. – Купим тебе корону!

– Вот именно короны мне и не хватало все эти годы. Отличная идея! – Диана щелкнула дочь по носу. – Вытряхивайся, принцесса, нас ждут великие дела.

– Жаль, папа с нами не пошел.

– Папа сказал, что приедет, как только освободится.

– А если не освободится?

– Ну, когда-то же освободится. – Диана вздохнула. – Но вату мы ему все равно купим.

Их ждали многочисленные аттракционы, клоуны, воздушные шары, сладкая вата, мыльные пузыри и Комната страха. Аленка чрезвычайно любила мультики «Школа Эвер Афтер Хай», и запомнившиеся персонажи радовали ее бесконечно. Ну а вампиры, оборотни, мертвецы, призраки, во множестве водившиеся в Комнате страха, вообще вызывали у девочки бурный восторг. И все же «Школа Эвер Афтер Хай» была вне конкуренции, и она несколько раз упрашивала родителей разрешить ей покрасить волосы в фиолетовый цвет, чтоб стать похожей на свою любимую героиню Рейвен Квин. Конечно, получила суровый отказ, но Диана подсластила пилюлю, купив дочке кудрявый фиолетовый парик, который та надевала всякий раз, выбираясь развлекаться. Она бы и в школу его носила, но тут уж было совсем никак.

Вот и сегодня Аленка красовалась в этом парике. Парик ей действительно был к лицу, а в это время года еще и защищал голову от холода: сложно заставить Аленку носить шапочку, а парик она носит с удовольствием. В своем лиловом пышном платице, кожаной куртке с заклепками и фиолетовых сапожках с серебряными пряжками Аленка выглядела точно кукла, изображающая мультяшную Рейвен Квин.

Эту куклу ей купили месяц назад, и с тех пор девочка с новой игрушкой не расставалась. Все игры и развлечения – только вместе. Плюс заранее готовый список подарков «под елочку»: друзей Рейвен, чтобы той не было скучно, Декстера Чарминга и Эппл Вайт. Откровенно говоря, Диана кукол уже купила, добавив к компании Блонди Локс и Меделин Хеттер, и зеркало, и стол для чаепитий, и крошечные фарфоровые чашечки.

Диана и сама полюбила эти незатейливые красочные мультики и смотрела их вместе с дочкой. Бережной только хохотал, глядя на то, как его здравомыслящая жена устраивается рядом с дочкой, чтобы с превеликим удовольствием посмотреть очередную серию о приключениях юных обладателей паранормальных способностей.

– Мам, пойдем сразу на паровозики! – пританцовывая от нетерпения, попросила Аленка. – А потом на веселые горки и на мячики – я хочу выиграть колечко, маленькое такое. Потом еще в кафе зайдем, а потом – ТУДА.

Туда – это в Комнату страха, куда Аленку не особенно хотели пускать бдительные служители. Дескать, испугается ребенок. Но Диана с гордостью говорила, что очень хотела бы посмотреть на чучело, способное испугать этого ребенка.

– Как скажешь, маршрут на твоей совести. – Диана щелкнула брелоком сигнализации. – Главное – к ночи домой вернуться, не то папа объявит общегородскую тревогу.

– И за нами приедут полицейские?

– Да, такие бравые парни в форме.

– Тогда давай останемся до ночи, – Аленка засмеялась, представив, как за ней приезжает полицейская машина.

– Но папа будет волноваться.

Аленка вздохнула. Нет, конечно! Папу волновать она не хочет. Ее папа – самый лучший и самый добрый. Он нашел ее, когда она потерялась среди злых и страшных людей, он спас ее от них. И чтобы он знал, как сильно дочка его любит, они с мамой привезут ему сладкой ваты, большой розовый шар, и они вдвоем его съедят, и папа будет расспрашивать, как они повеселились и что видели, а она расскажет ему о Комнате страха. На самом деле в этой комнате ничего страшного нет, и все чудовища ненастоящие. Настоящих Аленка видела – они намного страшнее, они кричат и бьют друг друга, и ее били, и хотелось кушать, и было холодно, и негде спрятаться.

Но от этих чудовищ ее спас папа. Он искал, искал свою потерявшуюся дочку и нашел, а потом пришла мама, принесла вкусный суп и сок, и все стало хорошо, а чудовища исчезли. Только Аленка знает, что настоящие чудовища – не те, мультяшные, что в Комнате страха, а настоящие, на самом деле не исчезли, просто они ее больше не видят, потому что она принцесса в сказочном замке, а папа с мамой – Король и Королева, и они не дадут ее в обиду.

– Нет, пусть папа не волнуется, – Аленка заглядывает матери в лицо. – Тогда мы немножечко погуляем – и домой. Но сначала купим короны.

– Вот это – моя девочка!

Диана взяла Аленку за руку, и они направились к широкой двери, украшенной шариками и огоньками. На входе клоун продудел в смешную дудку, громко объявив: «Ее высочество принцесса пожаловали!»

Аленка зарделась от удовольствия. Диана улыбнулась клоуну, который неожиданно подмигнул ей, соорудив смешную гримасу.

– И вам хорошо развлечься, ваше величество!

Аленка дернула Диану за руку.

– Мы купим тебе корону, да?

– Ну, меня и без короны тут узнали, – Диана засмеялась. – Хотя с короной было бы наверняка.

И они пошли покупать золотые и серебряные фишки и красные рубины, позволяющие посещать аттракционы – в сказочном королевстве была своя твердая валюта, а еще мороженое, напитки и разные сувениры.

И Комнату страха, конечно же, они тоже не обошли своим вниманием.

Аленкины фиолетовые кудри украсила диадема с блестящими камешками. В руках у нее появилась лакированная черная сумочка с фиолетовым цветком и серебристым черепом внутри цветка. Клоун с шарманкой очаровал их обоих, и Диана поймала себя на том, что ей очень нравится вся эта праздничная суeta вокруг. Не будь Аленки, она никогда бы сюда не попала – для взрослой тетеньки странно посещать подобные места без ребенка и уж тем более странно купить золотую корону в разноцветных камнях и разгуливать в ней по залам сказочного королевства.

А так все чинно: мама с дочкой развлекаются, что ж такого.

– Мам, теперь ТУДА.

Аленка даже затанцевала от предвкушения. Рейвен Квин точно одобрила бы такое развлечение.

Они сели в подроспевшую вагонетку, разрисованную глазастыми и клыкастыми чудовищами, и понеслись к темному входу. Аленка прижалась к Диане, попискивая от удовольствия.

Навстречу им из тьмы выступил скелет, щелкая челюстью. Диана вздохнула: ей это развлечение удовольствия не доставляло. Ни привидение, завывающее и размахивающее белыми руками над обрубком шеи, ни две ведьмы, с визгом пролетевшие прямо над их головами, ни

уж тем более гроб, из которого восстал вампир, – не порадовали ее. Все это Диана считала так себе развлечением, но что поделаешь, если Аленке нравилось. На самом деле ничего из выше перечисленного не пугало Аленку так, как самый незначительный спор между родителями. Насчет ремонта дачи, например.

День развлечений подошел к концу. Веселые и уставшие, они шли к машине.

– Мама, я пить хочу! – Аленка потянула мать за руку. – Ты водичку взяла?

– Конечно. – После такого количества сладостей она всегда хотела пить, и Диана это отлично знала.

И если Аленка хотела пить, то ей хотелось не газировки или сока, а обычной кипяченой воды из чайника, причем вода должна быть комнатной температуры. Бутылка такой воды всегда была у Дианы с собой.

Через две машины от них вдруг вспыхнула громкая ссора. Мужчина кричал на женщину, она кричала в ответ. Аленка поперхнулась, закашлялась и инстинктивно спряталась за мать. Ссора же разгоралась, как степной пожар в сухое лето. Диана открыла машину и усадила Аленку внутрь, поспешно завела двигатель и сдала назад, выезжая. Аленка молча смотрела в окно, забыв о розовой сладкой вате.

Появившись будто из ниоткуда, на капот их машины упала женщина с разбитым лицом. Аленка закрыла глаза и громко заплакала.

Диана остановилась и повернулась к дочери. Нужно было что-то делать. Но что именно?

К счастью, в этот момент на стоянку въехала полицейская машина, из которой, к огромному облегчению Дианы, вышел Бережной.

Он торопился изо всех сил, но все равно приехал к шапочному разбору, все развлечения пропустил. Надеялся застать своих девочек, довольных и уставших, чтобы повезти их обедать в «Виллу Оливу», где заказал столик.

И вот на капоте машины, в которой сидят его девочки в блестящих коронах – королевы в королевской карете, – лежит окровавленная, кричащая от ужаса женщина. Величественного в этой картине мало. Хорошо еще, его подвезли патрульные.

– Ну, похоже, я все-таки вовремя.

Патрульные занялись своей работой, а Бережной открыл дверь и уселся рядом с Аленкой, которая тут же обняла его и заплакала горько и безутешно, сжимая в кулачке палочку, на которой колыбался шар сладкой розовой ваты.

– Надо же такому случиться! – Диана расстроено посмотрела на мужа. – Но так вовремя ты еще никогда не появлялся.

– Патрульные все уладят, поехали.

Они оба знали, что Аленка боится таких сцен. Кажется, что она совсем оттаяла от пережитого в прежней семье и забыла все страшное. А потом происходит что-то, и они понимают, что она ничего не забыла. И сколько времени нужно, чтобы залечить израненную детскую душу, исправить то, что проклятые негодяи сотворили с ребенком, они не знают. Но твердо знают, что не отступят, пока не исправят все те ужасные последствия жизненной несправедливости, от которой пострадала их Аленка.

Они не могут изменить мир вокруг, но они могут изменить мир своего ребенка.

* * *

Анна стоит и смотрит на Никиту во все глаза. Она видит, что тот чем-то сильно расстроен. Со стороны он такой же, как всегда, но она-то знает, как он держится в разных ситуациях, знает каждую его морщинку и выражение его глаз. Она изучила его и точно знает, что визит полицейского выбил его из колеи.

Впрочем, мало кого может порадовать визит полицейского.

– Одну минутку, – Никита кивнул визитерам и посмотрел на Аню. – Анна, вы что-то хотели?

– Да, Никита Григорьевич. Вот документы со склада и служебная записка. Нужно подписать, и я отнесу Игорю.

– Оставьте, я просмотрю и сам отнесу. А вы проведите, пожалуйста, наших гостей по отделам.

– Конечно.

Обрадовавшись, Анна вручила Никите документы и кивнула гостям. Теперь ей не надо мучительно искать повод поговорить с полицейским.

– Сейчас толпа уже, наверное, немного схлынула. Я вам все покажу.

– С удовольствием посмотрим, – улыбнулся полицейский. – А фотографировать можно? Детям показать хочется.

– Что ж вы их с собой не взяли! – Анна всплеснула руками. – У нас для детей сегодня интересная программа и призы!

Виктор переглянулся с Раисой, и они дружно захохотали. Представили свою такую взрослую барышню Светку или близнецов, которые отчаянно воюют против всего мира на стороне собственных подростковых гормонов, толкающимися в толпе «мальков», желающих получить приз в виде шарика или паука.

– Наши дети уже большие. – Раиса хихикнула. – Практически взрослые. Но фотографии будут кстати.

– Конечно. – Анна тоже засмеялась. – Идемте, я покажу вам самые наши забавные придумки.

По тому, как полицейский и его жена переговариваются и смеются, Анна понимает, что этой паре удалось и взаимную любовь сохранить, и остаться лучшими друзьями. Это видно по тому, как осторожно суровый полицейский придерживает под локоток свою жену, красивую, статную блондинку, с потрясающими глазами и высокой грудью. И по тому, как она смотрит на него и как они вместе смеются или рассматривают что-то, прильнув друг к другу, – все эти жесты не нарочитые, а привычные. И видно, что эта пара очень счастлива.

– Смотри, Вить, вот повешенный! – Раиса засмеялась. – Ну-ка, сфотографируй его!

Виктор щелкнул телефоном, а Анна краем глаза заметила спешащего к ним охранника. Небось сейчас начнет рассказывать, что фотографировать нельзя. Уж сколько Никита боролся с этим воинствующим вахтерством, но каждый новый охранник обязательно наступал на те же грабли. Вот и этот стремится проявить ненужное служебное рвение.

– Фотографировать запрещено.

Анна собралась сделать замечание бестолковому охраннику, но полицейский как-то оттер ее плечом, и она оказалась у него за спиной.

Раиса весело подмигнула ей и фыркнула в кулачок, видимо, уже зная, какого рода развлечение предстоит:

– Не надо портить ему удовольствие.

А охранник уже приступил к исполнению обязанностей:

– Никакой фото- или видеофиксации! Это запрещено.

– Когда, кем? – засмеялся Виктор. – Объясните мне.

– Закон запрещает.

– Какой конкретно закон?

– Ну... закон. Запрещает, да.

Охранник из новых. Анна раньше его не видела, а иначе он бы знал, что за такие выходки руководство ему спасибо не скажет.

– Я хочу, чтобы вы предоставили мне текст закона, который запрещает мне снимать товар или оформление зала.

– Запрещено.

– Кем и когда?

Поддержать дискуссию на таком уровне охранник уже не мог. А еще он никак не мог понять, почему девица с бейджилом «старший менеджер», стоящая позади мужика, ничем ему не помогает.

– Если законом это запрещено, я подчинюсь. Но хотелось бы увидеть текст этого закона, – дожимает беднягу Виктор.

– Самый умный, да? – наконец выходит из себя охранник.

Отчего-то выражение «самый умный» у представителей определенного социального слоя является жестоким оскорблением. Виктор этого никогда не понимал. Вот у евреев, например, самый умный – это комплимент. А тут если хотят оскорбить, то спрашивают: ты что, самый умный? Типа так ты лучше меня? А получи вот в дыню, потому что если ты самый умный, то ты слабак и никак тебе твой ум не поможет, потому что против лома нет приема.

И если бы охранник был в состоянии извлечь этот логический ряд из своего сознания, он бы все так и сформулировал, но семантика ускользнула от него, и осталось только вот это «самый умный» в виде оскорбления.

– Да, самый умный, – кивнул Виктор. – А что?

А то, что бедняга-охранник окончательно «завис». Налицо разрыв шаблона: «самый умный» не только этого не стыдится, но еще и оказался здоровенным дядькой. Никак не хлюпик и не ботан, и совсем не боится, и, что хуже всего, никакого почтения к бейджику с внушительной надписью «Борис, охрана» не испытывает.

Анна все-таки решила вмешаться и, пристально посмотрев на охранника, скомандовала:

– Ступай займись делом. Чего стоишь? У нас в магазине производить фотосъемку не запрещено. И никакой закон этого тоже не запрещает.

– Ну вот, – Виктор укоризненно улыбнулся. – Взяла и вырвала добычу у меня из рук. Что ж за день такой сегодня.

– Я предлагаю вам контрибуцию. Может, пива хотите? Пока ваша жена выбирает себе что-то красивое.

Они обошли обиженного в лучших чувствах охранника, превратившегося в соляной столб, и направились к отделу, куда так рвалась душа хозяйственной Раисы.

– У нас тут кафетерий, пиво есть и разливное, и в бутылках. – Анна весело подмигнула Виктору. – Вы же не за рулем, надеюсь?

– Нет, не за рулем. Меня жена возит, – Виктор засмеялся. – Видишь, Рая, уводит меня молодая красавица среди белого дня, можно сказать, а ты стоишь и смотришь на это безобразие, словно тебе и дела нет, что родного мужа, как коня, за уздечку и со двора.

– Приведут обратно вскорости, еще и денег приплатят, чтоб обратно взяла, – засмеялась Раиса. – Карточку давай и ступай порезвись на травке, пока я тут поброжу. На пиво у тебя налички хватит?

– Хватит. – Виктор протянул Раисе карточку и запел: – Сердце красавицы склонно к измене... Гм-м, в данном случае – красавца, да.

– Иди пиво пей, красавец! – Раиса улыбнулась Анне. – Спасибо за экскурсию, очень все хорошо придумано, правда.

Анна с Виктором остались, и тот, глядя на девушку, ухмыльнулся:

– Ну, показывайте ваше пиво и расскажите же мне наконец, что вас так тревожит.

Анна смотрит в смеющиеся глаза полицейского и чувствует, что краснеет.

Вот не умеет она скрывать свои чувства, все на лице написано, и полицейский сразу увидел. Видимо, не зря сволочная Ирка сказала, что народ судачит, будто она в Никиту влюблена. Только вовсе она и не влюблена в Никиту, а просто нужно, чтобы все по справедливости было.

– Бокал светлого. – Виктор кивнул Анне. – Давай-ка присядем и поговорим.

И они присели за столик, огороженный стеклянной стенкой, с надписью «ЗАКАЗАН». Этот столик никогда не занимали посетители, его держали как раз для таких вот случаев, когда нужно было угостить кого-то: партнеров, клиентов и просто гостей.

– Так что такого происходит, что ты сама не своя?

Сейчас полицейский – просто приятный мужик, который под пиво ведет неспешный разговор с хорошей знакомой. Вот только пришел он сюда, потому что полицейский, и знакомы они меньше часа.

– Вы же из-за тех фотографий пришли? – Анна тревожно смотрит на Виктора. – Ну, в интернете которые?

– Не вижу причины скрывать. Да, из-за них, – кивает тот.

– Но пришли вы неофициально, а значит, никакого дела – уголовного или другого какого – нет. – Анна вопросительно смотрит на Виктора. – Я хочу, чтоб вы знали: все эти фотографии – сплошная ложь. Не мог Никита Григорьевич так поступать, он вообще не способен ни на что подобное.

– Ох, Аннушка, знать бы, кто на что способен. – Виктор отхлебнул пива. – Но в данном случае я с тобой согласен: все эти фотографии и обвинения – не просто липа, но умелое мошенничество. И я собираюсь сделать все от меня зависящее, чтобы виновные понесли заслуженное наказание.

– Правда?!

Глаза Анны полыхнули такой радостью, что Виктор про себя усмехнулся: девчонка влюблена в своего директора, и влюблена нешуточно. И если он не будет дураком, девчонка-то хорошая... Да только он дураком будет, он же до сих пор страдает по рыжей бабенке, обобрававшей его до нитки и лишившей всего: семьи, работы, доверия, репутации. А если и нет, то, так обжегшись, он теперь не скоро рискнет завести новые отношения, да и не факт, что не найдет аналогичную по тактико-техническим характеристикам гражданку – есть такие мужчины, которые западают только на определенный тип женщин.

– Ты вот что... – Виктор снова отпил пива. – Хорошее пиво, скажу я тебе! Буду теперь знать, где брать, я там у них и баклажки видел, наливают с собой. Так я о чем тебе толкую: ты не торопи события – с Никитой-то. Девчонка ты хорошая, и ему бы вот так попасть в добрые руки, и не жизнь будет, а сказка. Но дело в том, что он сейчас ни к чему такому не готов и не скоро еще оклемается. Он-то об этих интернетных делах, оказывается, и понятия не имел. Думал, когда развелся и отдал имущество, то все закончилось. И я ему принес сегодня неприятную новость. А ты знала и не сказала?

– Как бы я ему сказала? – Анна в отчаянии сжала руки так, что пальцы побелели. – Это надо было бы тогда сказать, что все в курсе и что за спиной у него смеются, клечку придумали – Чикатило. Никому не интересно знать, правда это или нет. Лишь бы ржать да шуточки идиотские придумывать.

– Это да. – Виктор вздохнул. – Народ у нас такой: если начальство не давит его так, что юшка кровавая выступает, он начальство не уважает. Не понимают у нас люди по-хорошему, не приучены.

– Вот и не сказала.

Анна хочет объяснить полицейскому, что не сказала, потому что случая не представилось. Как к нему подступишься, к Никите этому, когда он словно стеной себя от всех отгородил, и стена вроде бы прозрачная, а вот ничего сквозь нее не проходит, и звуки гаснут. Как тут сказать!

– Ну, не горюй. – Виктор вытащил из кармана визитку. – Вот, держи, и если что подозрительное, сразу звони, в любое время. И свой телефон дай мне, я запишу на всякий случай.

Анна, улыбнувшись, достала из кармана плоскую золотистую коробочку для визиток и протянула визитку Виктору.

– Ишь ты! – Виктор засмеялся. – Теперь это удобно, да. Что ж, пойду жену искать, а то ведь мы, если что, на легковой машине приехали, а не на грузовике.

– Если что, у нас бесплатная доставка.

– Ну, ты очень меня этим утетила.

Смеясь, они вышли из кафетерия и разошлись, довольные друг другом.

5

Когда за полицейским и его женой закрылась дверь, Никита в изнеможении рухнул в кресло. Со временем стало все сложнее держать себя в руках и делать вид, что все нормально, и ничто его не волнует, и мир вокруг – отличное местечко, пригодное для жизни. И хорошо еще, что Лепехина подвернулась вовремя, потому что ему нужно было устоять, удержать свою маску.

То, что Лепехина то и дело подворачивается вовремя, Никита не думал. Наверное, будь он в нормальном состоянии, то иначе бы оценил эти вечные словно случайные встречи то там, то сям, но он не был в нормальном состоянии, он вообще не верил, что когда-то придет в нормальное состояние.

Зазвонил телефон, и Никита вздохнул – звонит мама.

– Что ты, Никитка?

Так она всегда его называла, и это было неизменным, это было тем, за что можно ухватиться и не утонуть окончательно. Когда все случилось, он ничего не говорил маме, но разве такое утаишь. Какая-то гадина позвонила прямо на работу, и уже через пять минут мать упала замертво, и если бы не мастерство врачей...

Никита до сих пор помнит свой ужас, когда ему позвонила директриса библиотеки, милейшая Валентина Николаевна, и сухо проинформировала, не сказала, а именно что проинформировала – мать забрали в больницу. И почему забрали, тоже сказала, а потом уже совсем по-свойски вдруг спросила жалобно:

– Неужто правда это, Никита?

Нет, неправда, да только никто ему не верил.

Кроме матери. Она-то ни на минуту не поверила, не усомнилась в нем.

– Я ничего, в порядке, а ты, мам?

– Как дела, сынок?

Голос у матери такой же, как всегда. Вот если бы она причитала или ругала Габриэлу! Но нет, она такая же, как всегда, – спокойная, очень сдержанная, доброжелательная, в голосе всегда чувствуется улыбка.

– Работа, мам. – Никита тоже старается говорить так же, как всегда. – Ничего особенного, день как день, только суматохи больше.

– Видела репортаж по местному каналу. – Мать засмеялась. – Очень смешно придумано, жутковато, но смешно.

– Привезу тебе паука игрушечного.

– Привези. Ты кушал?

Самый обычный разговор, но важнее всего на свете – они разговаривают, в трубке звучит голос матери, потому что был момент, когда Никита почти утратил надежду. Матери только сделали операцию, и он стоял у двери в отделение больницы, прижавшись лбом к стене, и боялся, отчаянно боялся зайти. Потому что там была палата, где на кровати лежала его мать, и была она сама на себя не похожа, словно смерть уже наложила на нее невидимую печать. И он сорвался, потому что мать этого не видела и никто не видел. Вот все время он держался, выглядел спокойным и невозмутимым, даже адвоката это проняло, и он с досадой выпалил: «Неужели вам все равно?!»

Никите не было все равно, в том-то и дело. Но он привык никому не показывать своих настоящих эмоций. Спокойная доброжелательность, что бы ни случилось, – этому он научился у матери и в детстве даже думал, что все идет в мире отлично, ведь мать всегда спокойная, позитивно настроенная и уверена в том, что все будет хорошо. И он понял уже потом, почему мать всегда прятала свои чувства – ради него прежде всего, чтобы не волновать его. А еще

потому, что совсем неважно, вообще не имеет значения, насколько тебе тяжело, миру это знать не обязательно, останешься один, плачь, бей посуду, что поплоше, стой на голове, но никто не должен этого ни видеть, ни знать, ни даже заподозрить, что тебя посещают подобные эмоции. Потому что всегда найдется тот, кто повернет это против тебя же.

И он всегда держался, о его выдержке легенды ходили, а тут вдруг сорвался. Не дома, за запертой дверью, а прямо в больничном коридоре, хорошо хоть в уголке рядом с лифтом. Он сам себя презирал за это, но тело отказалось слушаться, и он стоял у стены, стараясь унять дрожь, и что-то тяжелое ворочалось в груди, нарастая болью и тьмой. И он уже не знал, сколько продержится.

И кто-то положил ему руку на плечо.

За спиной стояла высокая полноватая блондинка средних лет.

– С тобой все хорошо?

Что могло быть с ним хорошо? Что вообще теперь могло быть хорошо, кто бы ему тогда сказал! Но он не мог ответить, у него мелко дрожали руки, а язык не слушался. После всего, что на него свалилось, после разговора с адвокатом, почва уходила у него из-под ног, и мать была последним якорем, позволявшим ему держаться, единственным в мире человеком, который поверил ему, поверил безоговорочно, сразу. Но она лежала в реанимации, и он не знал, вернется ли она к нему.

– Так, плохи дела.

Блондинка взяла его за руку и потащила в открытую дверь отделения, и никто не заорал на них «Нельзя без халата! Почему без бахил?!», а медсестра на посту приветливо улыбнулась:

– Привет, Ника. Семеныч у себя.

– Вот спасибо. Ксюнь, а Лариска тут?

– Ага, я скажу, чтоб зашла.

Медсестра лишь вскользь взглянула на странного посетителя, застывшего, как гипсовая статуя, и снова принялась что-то писать, а блондинка Ника потащила Никиту дальше.

– Вот ведь незадача. – Втолкнув его в дверь с надписью «Заведующий хирургическим отделением Круглов Валентин Семенович», она плотно прикрыла за собой дверь. – Садись-ка.

Доктора Круглова, огромного сурового мужика с ручищами как у мясника, Никита сегодня уже видел, и вчера тоже. Заведующий шествовал по отделению, и на его пути даже энергетические потоки гасли и сжимались. Однако отделение сияло чистотой и отличным ремонтом, кровати были не хуже, чем в платных столичных больницах, и оборудование самое новое.

Когда Никита сунулся к нему с вопросами, Круглов посмотрел исподлобья и к общению, очевидно, расположен не был. Никите сказал отрывисто: все будет хорошо с вашей мамой, вытащим. И больше ничего, но это же стандартная отговорка врачей, что ж тут хорошего может быть, когда так-то.

И сейчас он с хмурым изумлением посмотрел на Никиту и блондинку, его сопровождающую. Ника втолкнула Никиту в кресло у окна, а сама плюхнулась на стул, стоящий рядом со столом, за которым восседал грозный Семеныч. И совсем не похоже, что его грозный вид производит на Нику хоть сколько-нибудь внушительное впечатление.

– И что это за демонстрация?

– Спирту налей парнишке. – Ника выдохнула. – Я тебе пожрать привезла, кстати.

– Пожрать – это хорошо! – Семеныч задумчиво рассматривал Никиту. – Да, пожалуй, что и спирту.

Но это был не спирт, а отличный коньяк. Уж в коньяке Никита, сын генерала Радецкого, разбирался.

– Давай, первую порцию залпом. Вот и лимончик тут у меня.

Никита никогда не пил коньяк залпом, но эту рюмку ему, похоже, вручили в медицинских целях, и он послушался. Коньяк обжег горло, теплотой разлился в груди, и Никита слишком поздно вспомнил, что уже пару дней ничего не ел.

– На-ка вот, закуси, не то развезет тебя сразу, – Ника протянула ему два куска хлеба, между которыми располагалась внушительная котлета. – Давай ешь. Семеныч, нельзя же так! Совсем парень загибался прямо на пороге твоего отделения.

– Вижу. – Семеныч хмуро зыркнул на Никиту из-под низко нависших бровей. – Сказал же – вылечим мамашу. Разве можно так реагировать? Больную только расстраивать. Она же все чувствует. Ну, давай еще одну, только теперь потихоньку. Виданное ли дело – доводить себя до такого состояния. Чем ты матери поможешь, если загремишь в соседнюю с ней палату?

Никита хотел было сказать, что это из-за него мать и попала сюда. Но как рассказать этим хорошим душевным людям о той бездне мерзости и безнадёги, в которую он угодил? Кто ему теперь поверит, особенно если увидят фотографии, которые делала Вишенка, и прочитают то, что она соорудила в этом ее видеодневнике?

– Нет, Валь, тут еще что-то стряслось. – Ника поднялась и подошла к Никите вплотную. – Ты... как тебя зовут?

– Никита.

– Ты давай-ка, Никита, расскажи нам, что стряслось у тебя. Ну, помимо проблем с мамой.

Никита пил коньяк и думал о том, что нет в мире никого, кто поверил бы ему. Вот она, Вишенка, хрупкая, прекрасная, трогательно незащищенная, с глазами раненого олененка, избитая и пострадавшая. И вот он – здоровый, сильный и самый обычный, ни разу не сказочный принц, просто обыкновенный мужик, поедатель котлет и борщей, который совсем еще недавно считал, что все в его жизни отлично и на годы вперед распланировано и определено.

– Ну, тоже верно. – Семеныч подлил ему еще коньяка. – Ника, давай обедать, раз уж принесла, жрать хочу. И Лариску бы позвать, она тоже голодная.

Дверь открылась, и в ординаторскую проскользнула худенькая сероглазая докторша со строгим ртом.

– Лариска, дверь запри! – скомандовала Ника, хлопоча у стола. – Вот ведь как знала! Вовремя приехала... и ты, Никита, садись ближе, тут всем хватит.

И не то от коньяка, который шумел в голове, не то просто от того, что напряжение достигло своей крайней точки и дальше уже либо слетать с нарезки, либо что-то предпринимать кардинально иное, но Никита вдруг рассказал этим практически незнакомым людям все как есть. И видеодневник показал, и фотографии.

Ника долго листала туда-сюда многочисленные свидетельства его преступлений.

– Подлая какая баба! – Она подала телефон Семенычу, и они с Ларисой тоже принялись просматривать снимки. – Вот же гадина, прости, господи!

Она верила Никите, он это видел. Она верила, и верил Семеныч, и его жена, строгая Лариса. Они поверили ему, поверили сразу, и он не понимал причин этого доверия, но осознание того, что сейчас верят ему, даром что Вишенка расписала все это, полыхнуло в нем надеждой и радостью. Ему очень нужно было, чтоб хоть кто-то ему поверил.

Верила мать, но она мать, и она его знала. А остальные... даже друзья, с кем много лет дружили, общались – никто не поверил ему. Эти же чужие люди поверили сразу и безоговорочно.

– Так, значит, ты сейчас без работы, без денег, без имущества, и все что есть – квартира твоей бабушки, где вы с матерью и живете? – Семеныч моментально ухватил самую суть. – Что ж, клиническая картина мне совершенно ясна. Бывают, брат, и похуже ситуации, но гораздо реже. Ника, ты общаешься с Ольгой Витковской? Пусть выяснит на предмет работы для нашего друга. Правда, историю эту придется рассказать и ей тоже, но это к лучшему. Если кто и способен тебя полностью оправдать, так это Ольга – она сразу выяснит правду.

– Да толку-то... – Никита вздохнул. – Официально ничего не было предъявлено, а неофициально – это все просто ее слова, подтвержденные фотографиями. Кто мне поверит?

– Я вот поверил, и мы все. – Семеныч хмыкнул. – И если поверит Ольга, то ее слову поверят такие люди, что нам с тобой и не снились. Слово – оно, брат, у каждого по-разному весит, у иного и вовсе ничего, а у иного – золотом платят. Ольга как раз из тех, чьи слова на вес золота. Ну, а денег мы тебе одолжим, конечно... Не спорь, жрать-то надо! Жить на что-то нужно, и матери то одно, то другое носить. Цветы, например, коль она скоро на поправку пойдет. Я операцию сделал, без ложной скромности, отлично, а она еще не старая и довольно крепкая, сердце поизносила только, но теперь будет лучше прежней. А там заработаешь – вернешь. Нет, понимаешь, безвыходных ситуаций, парень, ясно?

– Ясно.

Что ж неясного. Вот только что он тонул и уже шел ко дну, а его выдернули на поверхность, и воздух такой сладостный, надышаться невозможно.

– То-то, что ясно. – Семеныч прошелся по тесному кабинету. – Квартиру и прочее ты ей отдал, конечно? Ну, на это и был расчет. Ладно, дальше будем думать. Пока и этого хватит, а там поглядим. Ника, вези-ка ты его сейчас к себе, наверное. Завтра привезешь снова, пусть мамашу навестит, а к тому времени и Ольга, глядишь, что-то нам скажет.

Никита почти спал. Коньяк и разговор расслабили его, и он ничего не мог с собой поделаться, глаза просто сами слипались.

– Давай-ка отведем тебя в машину. – Семеныч критически просмотрел на Никиту. – Ты сам, пожалуй, не дойдешь... Лариса, тащи кресло. Ишь как его стресс отпустил сразу, поплыл моментально. Ну, коньячок здесь, конечно, первое средство. Хорошо, Ника его подобрала, не то совсем бы крыша съехала у парня.

Что-то он еще гудел над головой Никиты, но тот уже не слышал. Понимал, что не должен спать, изо всех сил пытался открыть глаза, но потом словно нырнул в вакуум, где не было ни звуков, ни света, выпал в другое измерение, где основным световым решением была мягкая теплая тьма.

Проснулся Никита от щекотки, будто кто-то щекотал ему лицо мягкой кисточкой.

Рядом с подушкой сидел крупный серый кот – откормленный, уса́тый, мордатый, с маленькими ушами, с хищным взглядом и внушительными полосками по всей дымчато-серой шубке, гладкой и отливающей шелком.

– Ишь какой...

Никита всегда очень позитивно относился к кошкам, а вот Вишенка их не любила, хотя и утверждала, что у нее просто аллергия. Но Никита всегда знал – она просто не любит животных, котов отчего-то особенно. Словно они видели то, чего не видел никто другой.

Может, так оно и было, кто знает.

Это был дом Ники, где она жила со своим мужем, маленькой белобрысой Стефкой, веселой и беззаботной, как птичка, матерью и неугомонной Стефанией Романовной – тетей Стефой, как она велела себя называть. Еще был уже взрослый сын, но с ним Никита так и не встретился. И кот по имени Буч, чувствовавший себя в доме абсолютным хозяином. Кот делал что хотел, например лазал по столу и таскал из тарелок приглянувшиеся куски, но это лишь вызывало всеобщий смех и умиление.

Никита потом часто вспоминал те несколько дней, что он провел в этом счастливом доме, и не мог вспомнить всего – словно смотрел сквозь воду, никакой четкости: какие-то люди, разговоры, смех... а он вот не может вспомнить, просто общее ощущение безопасности. И еще помнил мать, которая обрадовалась букету и потихоньку уже вставала.

– Ничего, все наладится, Никитка. Купи хлеба, пожалуйста, и кусок сыра.

– Хорошо, мам. – Никите не хотелось заканчивать разговор. – Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно. – Мать засмеялась. – Ты всегда спрашиваешь.

Конечно, он теперь всегда спрашивает.

С тех пор как он поселился с матерью, в его душу начал возвращаться покой. Он словно вернулся в детство, когда по утрам слушал, как мать звенит на кухне посудой, и запах ее стряпни тоже был знаком с детства. У Вишенки еда пахла по-другому. Но теперь словно время повернулось вспять, и прошлая жизнь с Габриэлой-Вишенкой казалась какой-то ненастоящей.

Правда, они с матерью это никогда не обсуждали. Прошло и прошло, что ж. Все бывает на свете.

Но какая-то недосказанность, конечно, оставалась. Они оба это понимали и продолжали избегать неприятной темы. Однако Никита чувствовал, как оживает рядом с матерью в доме, наполненном тишиной, спокойным уютом и запахом субботних оладий.

Все свое детство Никита провел в разъездах: он помнил множество квартир и гарнизонов, практически ежегодно ему приходилось менять школу, и мать тоже оставляла работу в библиотеке, они упаковывали вещи и переезжали, и часто бывало так, что отец не мог им в этом помочь, ему приходилось уезжать раньше. Он всегда при этом говорил: Никитка, ты мужчина, вот и помоги маме.

И у Никиты не выработалось привязанности к какому-то определенному месту, понятие «родительский дом» ассоциировалось у него не с каким-либо зданием, квартирой, а с тем местом, где были его родители. Только их присутствие делало дом именно родительским домом, а стены и вещи – все это было неважно.

В последние месяцы он возвращался домой, потихоньку начиная надеяться на нечто большее. У него все еще есть дом, и он еще сможет встать на ноги. Когда-нибудь потом, когда забудется вся эта гнусная история, затеянная Вишенкой. Но сегодня, когда в его кабинет вошли полицейский и его улыбчивая и уютная жена, мир вокруг него снова рухнул.

Жизнь в Сети проходила мимо него. Когда он работал на старом месте, у него, конечно, был аккаунт в одной из соцсетей, хотя на свою страничку он заходил нечасто и основными его собеседниками были люди, с которыми он сталкивался в процессе работы. Когда он уехал, то необходимость общаться с людьми, окружавшими его раньше, отпала, и он перестал заходить не только на свою страницу, но и в интернет вообще – только почту проверить, не больше. Дома была огромная отцовская библиотека, и он заново открывал для себя старые книги, удивляясь тому, как по-другому воспринимаются знакомые герои.

А тем временем в интернете кипела какая-то своя жизнь, и кипела весьма своеобразно.

Когда адвокат Габриэлла нашел его в опустевшей квартире матери, то показал ему фотографии и дневник Габриэллы. И в обмен на подпись в документах обещал, что Вишенка все из интернета удалит. Адвокат был из конторы Малышева, молодой и довольно дорогой. Никита видел, что он все понимает и о нем самом, и о том, что сделала Габриэлла, но ему просто наплевать. Одно он обещал твердо: дневник Вишенки больше никогда никто не увидит.

И, конечно же, солгал, потому что ничто не исчезает из Сети бесследно. Да и Вишенка ничего не удалила по-настоящему, просто переползла на другой сайт.

Никите и в голову не пришло проверить, а теперь оказалось, что дневник стал всеобщим достоянием, под ним строчатся погонные километры гневных комментариев, строятся планы уничтожения его, Никиты. Ну, а чего он живет как жил? Неправильно это! Иногда Вишенка отвечает своим почитателям, и ее даже пригласили в какую-то группу, состоящую из женщин, переживших насилие в семье, – рассказать им, как положить конец своим страданиям.

И как облапошить мужа-дурака, ага.

И в любой момент в его дом, где они с мамой обрели какое-то равновесие, могут заявиться какие-то ненормальные, перепутавшие реальную и виртуальную жизнь. И... да бог знает, что такие могут сотворить, им ведь кажется, что всегда можно нажать кнопку «вернуть

назад». Только в жизни так не получается, а когда они это обнаружат, что-то изменить будет невозможно.

А еще это все означало, что его подчиненные, скорее всего, тоже видели дневник Габриэлы.

И, судя по всему, они изрядно веселятся. Интересно, Лепехина тоже его видела? Но полицейский оказался именно тем, кто не поверил Габриэлле, взглянув на ее пасквили взглядом профессионального сыщика.

Мать поверила ему потому, что знала: он не способен ни на что подобное. Ника поверила ему, руководствуясь какими-то своими внутренними интуитивными выводами, сформулировать которые она бы никогда не смогла, но никто из ее домочадцев и друзей, которые приходили к ней в дом, когда Никита гостил там, в их верности не усомнился. Круглов поверил ему, опираясь на свои врачебные наблюдения. Холодная и жесткая Ольга Витковская³ провела какой-то одной ей ведомый анализ, после которого заявила: все эти фотки и страшные рассказы – полная лажа, забудь, никто нормальный не поверит этой лживой крашеной суке.

Вот и Виктор Васильев, полицейский до мозга костей, поверил ему, еще его не зная, просто взглянув на эти фотографии. И ему, как оказалось, понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что к чему во всем этом. Возможно, ему помогла его красивая уютная жена.

И он обещал помочь Никите, и его жена Раиса сочувственно охала, и все было бы хорошо, если бы не тот факт, что эта грязная история мало того что стала общеизвестной, но и не думала утихать. И он, Никита Радецкий, прежде – хороший парень, отличный друг, прекрасный специалист, враз стал объектом интернет-травли, изгоем, на которого любой мог плюнуть и виртуально, и даже в реальной жизни, ведь Никита бывал в магазинах, да и покупатели супермаркета могли его узнать.

Но дело в том, что больше он прятаться не хотел.

Потому что есть мама, которая нуждается в нем, и он тоже в ней нуждается ничуть не меньше, чем когда был маленьким. Именно мама стала для него тем островком стабильности, за который он уцепился и уцелел, а мама уцелела лишь чудом. Но у него по-прежнему была семья, был родительский дом, куда он возвращался каждый день, и радовался этому.

И были Ника и доктор Круглов, которые первыми протянули ему руки, чтобы поддержать, помочь, и он сумел встать на ноги только потому, что когда-то Ника не прошла мимо него в больничном коридоре, а прикосновение ее теплой ладошки было, без преувеличения, как прикосновение крыла ангела. Теперь-то он знал, что Ника в принципе никогда не проходит мимо, но тогда и она, и Круглов помогли ему, хотя вообще его не знали.

И ради них тоже он больше не станет прятаться.

Потому что, если он спрячется, это будет значить, что Габриэлла победила и победили недоумки, сидящие в интернете и пишущие чушь о человеке, которого они в глаза не видели. Но вот кажется им, что они все об этом человеке знают, ведь вот же, фотографии! А что эти фотографии могут быть умелой подделкой, а рассказ Вишенки – ложью, никому из них и в голову не приходит. Но больше он не станет оправдываться: кто оправдывается, тот обвиняет себя. А он себя может винить только в излишней доверчивости.

Никита берет документы, принесенные Лепехиной, просматривает их. Дополнительный заказ со склада на партию кафеля. Обычно они заказывали этот кафель раз в месяц, но сегодня запасы оказались на исходе, и требовалась дополнительная поставка, а без одобрения директора Игорь не мог передать заказ менеджеру.

Игорь, проводя ревизию, не забывал о пополнении полок на своем складе.

Никита думает о том, что зря так враждебно относится к Игорю. Впрочем, ничего еще не поздно исправить. Он выходит из кабинета, спускается вниз и заходит на склад. Здесь все-

³ Подробнее читайте об этом в романе Аллы Полянской «Право безумной ночи».

гда прохладно, при помощи специальной системы поддерживается необходимая температура и нужная влажность, и пахнет не так, как можно было ожидать – мышами, пылью и затхлостью, а просто картонными упаковками и моющими средствами.

– Лепешка совсем свихнулась! – голос кладовщицы доносится откуда-то из-за стеллажей. – Наорала на меня, уволить пригрозила... Да кто она такая!

– Зря ты так, – у второй девушки оказался низкий грудной тембр. – Она тебе не поло- мойка, а старший менеджер, вторая после Чикатилы. Да и с нашим Игорьком они неразлейвода, говорят, в одном классе учились и живут рядом. А чего она взбеленилась? Лепешка вообще-то вполне безобидная девка. Чем ты ее так достала?

– Да ничем, на ровном месте взвилась, наехала на меня, как бульдозер... – Кладовщица жаждет поделиться своими обидами. – Я, понимаешь, пошла к Чикатиле – Игорь документы велел ему передать, а Лепешка у двери. Нельзя, говорит, посетители в кабинете. Ну, пришел кто-то к Чикатиле. Я же не в претензии, подожду маленько, не навек же они останутся, посетители эти. И говорю Лепешке: Игорь, дескать, велел у Чикатилы документы подписать... Батюшки, она в лице изменилась даже! Я, говорит, тебя уволю с такими рекомендациями, что тряпкой махать и то не пристроишься. Мол, прошлый директор вас гнобил, а тут нормальный чувак, а вы ему кликуху прицепили... Так мы ж не со зла. Конечно, он нормальный, прежнему директору не чета, а что там у него в семье было, не наше дело, чужая семья – потемки. Просто все ж эти фотки видели, которые жена его бывшая в интернет залила. Ну, как по мне – колотил он ее, может, и за дело, там и другие фотки есть, фифа эта в шубе, на какой-то столичной тусовке, так что получала, наверное, не за так. А кличка – это так, для смеха, а Лепешка меня едва не сожрала за это.

– Ну, так держи язык за зубами, нашла с кем трепаться. – Вторая девушка вздохнула. – По-моему, она в него втрескалась по уши... Оно-то и понятно, директор – мужик видный и при должности. Да только ну как и ее примется колотить... Хотя не верю я что-то этой расфу-фыренной штучке. Что-то тут не так, вот как хочешь. Это если не знать, о ком речь, то можно и поверить. Много таких кренделей, что руки к своим бабам регулярно протягивают. А если видеть его вот как мы, работать с ним, то понимаешь – врет эта рыжая. Вот врет, и все! Этот парень не из таких, что станет жену, как сноп, околачивать, не то что изошренно издеваться. Куда там, не тот кадр! Кличка, конечно, смешная, но Лепешке ее бы лучше не слышать. Она ведь и правда сторяча и уволить может. Игорьку, дружбану своему закадычному, шепнет – и полетишь. Настька так и улетела. Горюнова, помнишь? Это она новость о директоре прита-щила, всем раззвонила, а Лепешка ее раз – и выперла в два счета. Да так ловко устроила дело, что не подкопаешься. А теперь Настька куда ни сунется, везде облом, все работодатели звонят на прежнее место, а Лепешка им и отвечает, что негодная работница и конфликтная очень.

– Да ты что?! Вот ведь зараза!

– Чего там – зараза. – Обладательница грудного голоса засмеялась. – Она своего красавца защищает, как медведица медвежонка. А он-то, поди, и знать не знает об этом. Так-то она девка в целом беззлая, да только как раз такие бывают очень противными, если их сильно достать. А ты ее достала. Того и гляди стукнет Игорьку, и улетишь.

– Думаешь, спит с ним?

– С Игорьком? Окстись! На кой он ей? Дружит с ним, выросли вместе. А на директора, конечно, глаз положила, вот и защищает его. Но тут ее понять можно, парень он видный. А тебе тоже наука, в следующий раз будешь за языком следить.

Голоса и шаги утихли, а Никита стоял как громом пораженный. И не столько его поразила кличка, которую ему придумали сотрудники, – получается, в коллективе все о нем знают, – сколько рассказанное об Анне Лепехиной. Ее роль в событиях оказалась для него открытием.

Прямо сейчас думать об этом не получалось, нужно было чем-то себя занять, и Никита направился к кабинету Игоря, по дороге отмечая, что ревизия на складе, похоже, идет полным ходом.

– Никита Григорьевич, и вы решили к нам присоединиться? – появился из-за стеллажей начальник охраны Важинский.

Никита вспомнил, что еще утром просил его выделить пару человек на время ревизии.

– Нет, в этом вопросе я Игорю целиком и полностью доверяю. Он опытный сотрудник и выявит недостачу, если таковая имеется. А нам нужно будет понять, каким образом материальные ценности покидают пределы склада и магазина.

– Ну, пределы склада они, конечно, могут и покидать... А вот предел магазина – это вряд ли! – ухмыляется Важинский. – По крайней мере, не сразу.

– Нашли что-то интересное, Алексей Дмитриевич?

– Конечно! Я как раз собирался вам звонить. – Важинский доволен собой. – Вообще-то, это Игорь углядел, тут заслуга целиком его. Пройдемте в его кабинет, вам тоже стоит взглянуть.

– Ну, гора с плеч.

Конечно, никакая гора с его плеч не упала, но если проблема обнаружилась и нашлась причина этой проблемы, то его жизнь стала проще, безусловно.

– Если бы не сегодняшний ажиотаж, мы бы и не заметили ничего. – Важинский качает головой. – Впрочем, нам еще предстоит выяснить...

Кабинет старшего кладовщика пуст, и Важинский удивленно округляет глаза.

– Да где же он? Пять минут назад был тут! – Начальник охраны подходит к компьютеру Игоря. – Ничего не понимаю...

– Пожалуй, я оставлю документы и вернусь к себе. Скоро инкассация начнется, мне нужно проконтролировать кассу. А вы, как только будете готовы, позвоните мне, или лучше соберемся у меня – в моем кабинете стол удобнее.

– Хорошо, так и сделаем. – Важинский набирает номер кладовщика. – Ну, однако, приткий какой! Фигаро тут – Фигаро там...

Никита выходит из кабинета кладовщика и идет к выходу, минуя стеллажи и сотрудников. Теперь ему кажется, что все они смотрят на него и смеются вслед. Хотя это и не так, а все равно в животе у него холодно и неприятно.

– Никита Григорьевич, вас старший кассир ожидает! – Неугомонная вездесущая Лепехина выскочила откуда-то из бокового коридора. – Через десять минут закрываемся, к полуночи как раз приведем зал в прежний вид.

– Хорошо. – Никита кивает. – Вы молодчина, Аня. Отличная работа. Что там у нас дальше, новогодняя тематика?

– Я уже об этом думала. – Лепехина мечтательно улыбается. – Выручка от отдела сувениров и аксессуаров для дома у нас сегодня впечатляющая. Нам нужно закупить множество новогодних украшений, устроим елочный базар. А еще, знаете, сделаем акцию – привезем игрушки в детский дом, например. Можно закупить подарки, я знаю, где оптом приобрести, но только не всем одинаковые, как обычно, а собрать у воспитанников письма Деду Морозу, а потом упаковать подарки индивидуально каждому.

– Разоримся на велосипедах и планшетах.

– А мы предложим поучаствовать в этой акции всем жителям города. Раздадим эти письма, и пусть у каждого ребенка будет свой индивидуальный Дед Мороз, понимаете?

– Это нужно будет продумать. Но времени почти нет, ведь пока письма соберем, пока устроим промоакцию...

– Мы справимся! – Анна улыбается еще шире. – Никита Григорьевич, все будет хорошо. Вот увидите! Ой, мне пора бежать, а вам же к старшему кассиру!

И она исчезла так же быстро, как и появилась. А Никита подумал, что Анна Лепехина, возможно, тоже сказочный эльф. Если эльфы существуют.

Никита идет к выходу и видит на полу лужу. Он отступает, но сверху, со стеллажа, ему под ноги падает нечто, звякнув о плитку пола. Никита машинально нагибается, чтобы подобрать предмет. В руках у него связка ключей. Никита поднимает взгляд – это именно то самое место, с которого он сегодня начал осмотр торгового зала. Вон и повешенный качается в импровизированной петле.

Но что-то в висящем теле не так, как он запомнил. Не так, как было утром. Подошвы обуви, понимает Никита.

Поношенные кроссовки, да.

6

– Убитый – Игорь Недзвецкий, старший кладовщик. – Старший группы озадаченно смотрит на Виктора. – А вы здесь как оказались раньше нас?

– Так вышло. – Виктор задумчиво смотрит на труп. – Ты машины поставил с черного хода?

– Как велено.

Старшему оперуполномоченному явно не по душе, что начальство топчется по его лужайке, но Виктору в данный момент его терзания неинтересны. Когда ему позвонила Аня Лепехина и, заикаясь от слез, рассказала о случившемся, Виктор без тени сомнений вернулся в торговый центр, хотя и успел доехать практически до дома.

– Хорошо. – Виктор вздохнул. – Сейчас подъедут мои ребята, заберут это дело себе, не парься.

– Так район же наш.

– Тебе нужен «висяк»? – Виктор усмехнулся. – Причем во всех отношениях.

– Это да. Как они его туда затащили...

– Тут полно приспособлений, чтоб подвесить любой груз.

Даже лебедки есть, и погрузчики специальные, поднимающие товар на высоту полок. Ну, вот едет такой погрузчик из одного отдела в другой, да никто и внимания не обратит – это же магазин по продаже стройматериалов и инструмента, мало ли что хочет достать с верхней полки продавец. Или перетащить что-то громоздкое нужно. Или, например, лебедку кто-то решил испробовать, а вот покупатель заинтересовался, тоже бывает.

– В данном случае, я думаю, использовали один из погрузчиков, – решил Виктор, – так что вопрос не в том – как, а в том, кто и зачем. А вот и мои ребята.

Конечно, добавлять себе работы – это сумасшествие, и хорошо хоть Дэн в отпуске. Но не приехать Виктор не мог, это было бы очень паршиво – оставить Никиту в руках обычного районного опера, который первым делом раскопает его историю с якобы домашним насилием. Потом и кражи на складе, ревизия, все пойдет в ход, а там и до обвинения в убийстве один шаг. Разбираться и докапываться до истины никто не будет.

А он будет, и его друг Дэн тоже стал бы. Но Дэн в отпуске, а он, Виктор, – здесь. Хорошо бы еще разобраться с этим делом до возвращения Дэна из отпуска.

– В городе новый шериф, ребята! – Виктор хмыкнул, вспоминая свой утренний разговор с Никитой. – Кто не спрятался, я не виноват.

Потому что есть вещи, которые нельзя делать и продолжать считаться человеком. Например, обвинить в преступлении невиновного. А в невиновности Никиты Виктор уверен, их получасовая беседа в кабинете только подтвердила его выводы.

– Подвесили его, когда он был мертв или в бессознательном состоянии. – Эксперт отодвинул воротник рубашки убитого. – Две странгуляционные борозды разного размера, удавку набросили сзади и удушили, когда жертва сидела или, возможно, даже лежала, точнее выясню при экспертизе. Потом тело подвесили: видите эти ссадины и повторную странгуляционную борозду? Она бледнее первой, потому что образовалась либо сразу после смерти, либо очень близко к моменту смерти.

– А вот интересно получается. – Виктор взъерошил волосы ладонью. – Чтоб вот так его подвесить, нужно оборудование. Например, погрузчик с подъемным механизмом, которым пользуется персонал, чтобы доставать до верхних полок. В торговом зале их три. Ни у кого не возникло бы никаких подозрений, если бы кто-то из персонала взял его и поехал на нем в любую точку магазина, а без этого погрузчика тело не смогли бы так подвесить. Но зачем вообще его подвесили, зачем было нарываться на то, что кто-то увидит? Да и в зале камеры

работают. Не понимаю, зачем было устраивать эту демонстрацию? Тело можно было просто спрятать – здесь полно укромных уголков, и труп могли обнаружить не сегодня, а через пару дней. Днем на этом месте висел манекен, изображающий повешенного, труп был одет в такой же рабочий комбинезон, и если бы директор не обратил внимания на обувь – на манекене были новые рабочие ботинки, какими здесь тоже торгуют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.